

ФИЛОСОФИЯ

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

Учебное пособие

Учебное пособие представляет собой сборник текстов, характеризующих экзистенциальную философию. Пособие содержит тексты, краткий словарь необходимых терминов, вопросы и задания к текстам и разделам, поэтому может быть использовано студентами при выполнении контрольных работ, подготовке к семинарским занятиям и самостоятельном изучении раздела курса философии «Современная философия».

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	5
Раздел I	7
Тема 1 <i>А. Камю</i> Миф о Сизифе (Эссе об абсурде)	7
Тема 2 <i>Ж. П. Сартр</i> За закрытыми дверями	13
Тема 3 <i>М. Хайдеггер</i> Письмо о гуманизме.....	21
Задания для самопроверки к разделу I.....	28
Раздел II	29
Тема 4 <i>Г. Марсель</i> Ответственность философа в современном мире.....	29
Тема 5 <i>С. Кьеркегор</i> Понятие страха	36
Задания для самопроверки к разделу II.....	42
Раздел III	44
Тема 6 <i>Ф. Кафка</i> Дневники.....	44
Тема 7 <i>И. Ялом</i> Экзистенциальная психотерапия.....	52
Задания для самопроверки к разделу III.....	59
Раздел III	60
Тема 8 <i>Л. Шестов</i> Апофеоз беспочвенности.....	60
Тема 9 <i>В. Несмелов</i> Вопрос о смысле жизни в учении новозаветного откровения.....	67
Тема 10 <i>И. Бродский</i> Похвала скуке.....	74
Задания для самопроверки к разделу IV.....	83
КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ.....	84

Введение

Философское наследие есть свидетельство духовного творчества, позволившее человеку преодолеть свою ограниченность посредством иного измерения существования – пространства мысли. Целостность и ценность внутреннего опыта проявляется в процессе создания новых смыслов, что задает сфере мышления пульсацию жизни, позволяет ей «дышать», изменяться, развиваться. В этом смысле философия дает человеку возможность обретения опоры и ориентира внутри себя самого.

Обращение к экзистенциальной философии в последнее время актуально как никогда, поскольку мы живем в эпоху «освобожденных» ценностей, где традиционные парадигмы уже не имеют былой силы. Человек теперь самостоятельно должен выбрать путь, по которому идти, по крайней мере, у него есть такая возможность. Экзистенциализм характеризует антропологическая ориентация, на первый план выходят проблемы смысла жизни, индивидуальной свободы, ответственности. Именно поэтому в современной культуре экзистенциальные вопросы вышли за пределы теоретической философии и сейчас активно развиваются в рамках таких сфер культуры, как экзистенциальная психология, литература и т.д.

Еще одна проблема, вставшая перед человеком XX-XXI вв., – кризис научной рациональности, связанный с современными экологическими проблемами, с вопросами о месте науки, разума и техники в глобализирующемся мире, дающими лишь иллюзию господства и порабащивающими личность. Экзистенциальная философия предлагает иной подход к себе и миру: познание через религию, искусство, мифологию, непосредственное переживание. Такой метод, по мнению мыслителей, возвращает человеку утраченную гармонию и целостность.

Среди современной молодежи широко используется такое понятие, как «свобода». Для большинства сущность этого значимого слова растворена в обыденной мифологии, впрочем, как и сущность многих

других экзистенциальных категорий. Изучение данного смыслового пласта в рамках философско-литературного направления позволит студентам установить более тесную связь с данными понятиями, сделать их частью своего собственного способа видеть мир.

Цели и задачи раздела курса философии «Экзистенциализм» – знакомство студентов с представителями экзистенциальной мысли и их текстами; освоение ими категориального аппарата представленной темы; интериоризация философско-литературного опыта посредством выполнения творческих заданий относительно представленных текстов.

Разнообразие экзистенциальной проблематики, представленное в настоящем пособии, с одной стороны, позволяет студенту иначе взглянуть на философско-педагогическую «хрестоматийность» экзистенциализма, но с другой, это и сложность, обусловленная требованиями художественных текстов нуждающихся в осмыслении посредством философской грамматики, и знакомства с основами герменевтики. Такой подход требует вдумчивой совместной работы студента и педагога.

Выделенные разделы носят скорее формально-систематический характер, которые условно можно обозначить как «атеистический экзистенциализм», «религиозный», «психологический», «экзистенциализм в русской философской традиции».

В содержание пособия входят задания к текстам, список литературы и краткий глоссарий. Учебное пособие может быть использовано на лекциях и семинарских занятиях, посвящённых современной западной философии (3 модуль), на коллоквиумах и в реферативной работе, а также при дистанционном обучении. Данный материал предназначен не только для подготовки к модульным тестированиям и экзаменам, но и для обогащения лексики и культуры мышления студентов.

Раздел I

АЛЬБЕР КАМЮ (1913 – 1960)

– французский философ, писатель, драматург, Лауреат Нобелевской премии по литературе 1957 года. Состоял в коммунистической партии, позже – в рядах подпольной организации сопротивления «Комба». Занимался театральной деятельностью: организовал самодеятельный «Народный театр» в 1936 г. Единственным средством борьбы с абсурдом А. Камю полагал признание его данности. В «Мифе о Сизифе» Камю пишет, что для того, чтобы понять, что заставляет человека совершать бессмысленную работу, нужно представить спускающегося с горы Сизифа счастливым. Многие герои Камю приходят к похожему состоянию души под влиянием обстоятельств.

Миф о Сизифе (Эссе об абсурде)

Боги приговорили Сизифа поднимать огромный камень на вершину горы, откуда эта глыба неизменно скатывалась вниз. У них были основания полагать, что нет кары ужасней, чем бесполезный и безнадежный труд. Если верить Гомеру, Сизиф был мудрейшим и осмотрительнейшим из смертных. Правда, согласно другому источнику, он промышлял разбоем. Я не вижу здесь противоречия. Имеются различные мнения о том, как он стал вечным тружеником ада. Его упрекали прежде всего за легкомысленное отношение к богам. Он разглашал их секреты. Эгипта, дочь Асона, была похищена Юпитером. Отец удивился этому исчезновению и пожаловался Сизифу. Тот, зная о похищении, предложил Асопу помощь, при условии, что Асоп даст воду цитадели Коринфа. Небесным молниям он предпочел благословение земных вод. Наказанием за это стали адские муки. Гомер рассказывает также, что Сизиф заковал в кандалы Смерть. Плутон не мог вынести зрелища своего опустевшего и

затихшего царства. Он послал бога войны, который вызволил Смерть из рук ее победителя.

Говорят также, что, умирая, Сизиф решил испытать любовь жены и приказал ей бросить его тело на площади без погребения. Так Сизиф оказался в аду. Возмущившись столь чуждым человеколюбию послушанием, он получил от Плутона разрешение вернуться на землю, дабы наказать жену. Но стоило ему вновь увидеть облик земного мира, ощутить воду, солнце, теплоту камней и море, как у него пропало желание возвращаться в мир теней. Напоминания, предупреждения и гнев богов были напрасны. Многие годы он продолжал жить на берегу залива, где шумело море и улыбалась земля. Потребовалось вмешательство богов. Явился Меркурий, схватил Сизифа за шиворот и силком утащил в ад, где его уже поджидал камень.

Уже из этого понятно, что Сизиф - абсурдный герой. Такой он и в своих страстях, и в страданиях. Его презрение к богам, ненависть к смерти и желание жить стоили ему несказанных мучений - он вынужден бесцельно напрягать силы. Такова цена земных страстей. Нам неизвестны подробности пребывания Сизифа в преисподней. Мифы созданы для того, чтобы привлекать наше воображение. Мы можем представить только напряженное тело, силящееся поднять огромный камень, покатить его, взобраться с ним по склону; видим сведенное судорогой лицо, прижатую к камню щеку, плечо, удерживающее покрытую глиной тяжесть, оступающуюся ногу, вновь и вновь поднимающие камень науки с измазанными землей ладонями. В результате долгих и размеренных усилий, в пространстве без неба, во времени без начала и до конца, цель достигнута. Сизиф смотрит, как в считанные мгновения камень скатывается к подножию горы, откуда его опять придется поднимать к вершине. Он спускается вниз.

Сизиф интересует меня во время этой паузы. Его изможденное лицо едва отличимо от камня! Я вижу этого человека, спускающегося тяжелым, но ровным шагом к страданиям, которым нет конца. В это время вместе с дыханием к нему возвращается сознание, неотвратимое, как его бедствия. И в каждое мгновение, спускаясь с вершины в логово богов, он выше своей судьбы. Он тверже своего камня.

Этот миф трагичен, поскольку его герой наделен сознанием. О какой каре могла бы идти речь, если бы на каждом шагу его поддерживала надежда на успех? Сегодняшний рабочий живет так всю свою жизнь, и его судьба не менее трагична. Но сам он трагичен лишь в те редкие мгновения, когда к нему возвращается сознание. Сизиф, пролетарий богов, бессильный и бунтующий, знает о бесконечности своего печального удела; о нем он думает во время спуска. Ясность видения, которая должна быть его мукой, обращается в его победу. Нет судьбы, которую не превозмогло бы презрение.

Иногда спуск исполнен страданий, но он может проходить и в радости. Это слово уместно. Я вновь представляю себе Сизифа, спускающегося к своему камню. В начале были страдания. Когда память наполняется земными образами, когда непереносимым становится желание счастья, бывает, что к сердцу человека подступает печаль: это победа камня, это сам камень. Слишком тяжело нести безмерную ношу скорби. Таковы наши ночи в Гефсиманском саду. Но сокрушающие нас истины отступают, как только мы распознаем их. Так Эдип сначала подчинялся судьбе, не зная о ней. Трагедия начинается вместе с познанием. Но в то же мгновение слепой и отчаявшийся Эдип сознает, что единственной связью с миром остается для него нежная девичья рука. Тогда-то и раздается его высокомерная речь: «Несмотря на все невзгоды, преклонный возраст и величие души заставляют меня сказать, что все Хорошо». Эдип у Софокла,

подобно Кириллову у Достоевского, дает нам формулу абсурдной победы. Античная мудрость соединяется с современным героизмом.

Перед тем, кто открыл абсурд, всегда возникает искушение написать нечто вроде учебника счастья. «Как, следуя, по столь узкому пути?..». Но мир всего лишь один, счастье и абсурд являются Порождениями одной и той же земли. Они неразделимы. Было бы ошибкой утверждать, что счастье рождается непременно из открытия абсурда. Может случиться, что чувство абсурда рождается из счастья. «Я думаю, что все хорошо», - говорит Эдип, и эти слова священны. Они раздаются в суровой и конечной вселенной человека. Они учат, что это не все, еще не все исчерпано. Они изгоняют из этого мира бога, вступившего в него вместе с неудовлетворенностью и тягой к бесцельным страданиям. Они превращают судьбу в дело рук человека, дело, которое должно решаться среди людей.

В этом вся тихая радость Сизифа. Ему принадлежит его судьба. Камень - его достояние. Точно так же абсурдный человек, глядя на свои муки, заставляет умолкнуть идиологов. В неожиданно притихшей вселенной слышен шепот тысяч тонких восхитительных голосов, поднимающихся от земли. Это бессознательный, тайный зов всех образов мира - такова изнанка и такова цена победы. Солнца нет без тени, и необходимо познать ночь. Абсурдный человек говорит «да» - и его усилиям более нет конца. Если и есть личная судьба, то это отнюдь не предопределение свыше, либо, в крайнем случае, предопределение сводится к тому, как о нем судит сам человек: оно фатально и достойно презрения. В остальном он сознает себя властелином своих дней. В неумолимое мгновение, когда человек оборачивается и бросает взгляд на прожитую жизнь, Сизиф, вернувшись к камню, созерцает бессвязную последовательность действий, ставшую его судьбой. Она была сотворена им самим, соединена в одно целое его памятью и скреплена смертью. Убежденный в человеческом

происхождении всего человеческого, желающий видеть и знающий, что ночи не будет конца, слепец продолжает путь. И вновь скатывается камень.

Я оставляю Сизифа у подножия его горы! Ноша всегда найдется. Но Сизиф учит высшей верности, которая отвергает богов и двигает камни. Он тоже считает, что все хорошо. Эта вселенная, отныне лишенная властелина, не кажется ему ни бесплодной, ни ничтожной. Каждая крупинка камня, каждый отблеск руды на полночной горе составляет для него целый мир. Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека. Сизифа следует представлять себе счастливым.

(Текст печатается по изданию: Сартр, Ж.-П. Сумерки богов: Сборник текстов / А. Камю, Ф. Ницше, Ф., Фрейд, З., Фромм, Э., Ж.-П. Сартр; Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева; Перевод. – М.: Политиздат, 1990. – 398 с.)

Контрольные вопросы и задания

1. Кто такой «абсурдный герой»? Какие еще примеры подобных личностей можно привести из истории, из литературы и т.п.?
2. В чем состоит величие Сизифа? В чем состоит его трагедия и его радость?
3. Какой «высшей верности» учит Сизиф?

Библиографический список

1. Великовский, С.И. Грани «несчастливого сознания»: Театр, проза, философская эссеистика, эстетика Альбера Камю / С.И. Великовский. – М.: Искусство, 1973. – 238 с.
2. Евнина, Е.М. Современный французский роман, 1940-1960 / Е.М. Евнина. – М.: Издательство АН СССР, 1962. – 520 с.
3. Кушкин, Е.П. Альбер Камю: Ранние годы / Е.П. Кушкин. – Л.: Издательство ЛГУ, 1982. – 184 с.

ЖАН-ПОЛЬ САРТР (1905 – 1980)

– французский философ (представитель атеистической позиции экзистенциализма), писатель, драматург, эссеист, педагог, общественный деятель (участник многочисленных демократических организаций). В 1964 году был удостоен Нобелевской премии по литературе «за богатые идеями, пронизанное духом свободы и поисками истины творчество, оказавшее огромное влияние на наше время», но отказался от нее. Мировоззрение Ж.П. Сартра сложилось под влиянием, прежде всего, А. Бергсона, Ф.М. Достоевского и М. Хайдеггера. Пьеса «За закрытыми дверями» (первоначальное название – «Другие») является программной для творчества Ж.-П.Сартра и французского экзистенциализма.

За закрытыми дверями

Действующие лица: Инэс, Этель, Гарсэн, мальчик-коридорный.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Инэс, Гарсэн, Этель.

(...)

Этель (нежно). Гарсэн!

Гарсэн. Ты здесь? Послушай, окажи мне услугу. Нет, не отказывайся. Я знаю, тебе кажется, что у тебя просят помощи, ты к этому не привыкла. Но, может, если ты захочешь, если сделаешь усилие, мы и вправду сможем по-настоящему полюбить друг друга. Видишь ли, тьма народу утверждает, что я трус. Но какое мне до них дело? Если бы нашлась живая душа, которая изо всех сил повторила бы, что я не бежал, что я не мог бежать, что я храбрый, что я честный, я... я уверен, что я был бы спасен. Хочешь поверить в меня? Тогда ты мне будешь дороже всех на свете.

Этель (смеется). Дурачок! Глупец! Неужели ты думаешь, что я могла бы полюбить труса?

Гарсэн. Но ты говорила.

Эстель. Я шутила. Я люблю мужчин, Гарсэн, настоящих мужчин, с грубой шкурой, с сильными руками. Непохоже, чтобы твой подбородок был подбородком труса, рот — ртом труса, голос, волосы — голосом и волосами труса. А я люблю тебя за твой рот, твой голос, твои волосы.

Гарсэн. Это правда? Чистая правда?

Эстель. Хочешь, я поклянусь?

Гарсэн. Тогда мне наплевать на всех, кто там и кто здесь.

Эстель. Мы выйдем из ада. Инэс хохочет. Гарсэн перестает говорить и смотрит на нее. В чем дело?

Инэс (смеясь). Да она сама не верит ни одному своему слову. Как можно быть таким наивным? «Эстель, разве я трус?» Знай, что ей на это наплевать!

Эстель. *Инэс.* (Гарсэну) Не слушай ее. Если ты хочешь моего доверия, начни с того, чтобы верить мне.

Инэс. Вот-вот. Окажи ей доверие. Ей нужен мужчина, можешь ей поверить, мужская рука вокруг талии, запах мужчины, мужское желание в мужских глазах. Что до остального...Ха! Она скажет, что ты Бог Отец, если тебе это доставит удовольствие.

Гарсэн. Эстель! Это правда? Отвечай: это правда?

Эстель. Что ты хочешь от меня услышать? Я ничего не понимаю в этих делах. (Топает ногой) Как мне все это надоело! Если бы ты и был трусом, я бы все равно тебя любила, понятно тебе? Этого недостаточно? Пауза.

Гарсэн (обеим женщинам). Как вы обе отвратительны! (Идет к двери)

Эстель. Что ты делаешь?

Гарсэн. Ухожу.

Инэс (быстро). Далеко не уйдешь — дверь заперта.

Гарсэн. Придется им открыть. Нажимает на кнопку. Звонка нет.

Эстель. Гарсэн!

Инэс (Эстель) Успокойся, звонок сломан.

Гарсэн. Я сказал, они откроют. (Колотит в дверь) Я не могу больше вас выносить, не могу. Эстель подбегает к нему, он ее отталкивает. Пошла вон! Ты еще отвратительнее, чем та, другая. Я не хочу завязнуть в твоих глазах. Ты липкая! Ты дряблая! Ты как спрут, как болото. (Стучит в дверь) Откройте наконец!

Эстель. Гарсэн, умоляю тебя, не уходи, я не буду больше говорить с тобой, я оставлю тебя в покое, только не уходи. Инэс выпустила когти, я не хочу оставаться с ней наедине.

Гарсэн. Сами разбирайтесь. Я не звал тебя сюда.

Эстель. Трус! Трус! Ты настоящий трус!

Инэс (подходит к Эстель). Ты не довольна, жаворонок! Ты плюнула мне в лицо, чтобы ему понравиться, и мы поссорились по его вине. Но он уходит, помеха нашего счастья, и мы останемся в теплом женском обществе.

Эстель. Ты ничего от этого не выиграешь: если дверь откроется, я убегу.

Инэс. Куда?

Эстель. Неважно. Подальше от тебя. Гарсэн все барабанит в дверь

Гарсэн. Откройте! Откройте! Я согласен на все, на испанский сапог, клеши, расплавленный свинец, тиски, удавку — на все, что жет и дерет, я хочу мучиться по-настоящему. Пусть лучше побои, кнут, оспа, чем эта умственная пытка, этот призрак страдания, который ласково касается тебя и никогда не делает по-настоящему больно. (Трясет дверную ручку) Вы откроете или нет? (Дверь внезапно распахивается, он чуть не падает) Вот те на! Долгое молчание.

Инэс. За чем же дело стало. Гарсэн? Уходите.

Гарсэн (медленно). Интересно, почему дверь отворилась?

Инэс. Чего вы ждете? Уходите скорей.

Гарсэн. Не уйду.

Инэс. А ты, Эстель? Эстель не двигается. Инэс смеется Ну! Кто же? Кто из троих? Путь свободен, что же нас держит? Помрешь со смеху! Мы неразлучны. Эстель бросается на нее сзади.

Эстель. Неразлучны? Гарсэн! Помоги мне. Скорее помоги. Мы вытащим ее наружу и запремся: туда ей и дорога.

Инэс (защищаясь). Эстель! Эстель! Умоляю, оставь меня здесь. Только не в коридор, не выгоняй меня в коридор!

Гарсэн. Отпусти ее.

Эстель. Ты с ума сошел, она же тебя ненавидит.

Гарсэн. Это из-за нее я остался. Эстель выпускает Инэс и с удивлением смотрит на Гарсэна.

Инэс. Из-за меня? (Пауза) Да закройте вы ее! Здесь стало вдесять раз жарче с тех пор, как дверь открыта. Гарсэн закрывает дверь. Из-за меня?

Гарсэн. Да. Ты знаешь, что такое трус.

Инэс. Знаю.

Гарсэн. Ты знаешь, что такое зло, стыд, страх. Бывали минуты, когда ты видела себя насквозь — и это не давало тебе покоя. А затем, на следующий день, ты не знала, что и подумать, как разобраться в этом откровении. Да, ты знаешь цену зла. И если ты говоришь, что я трус, то со знанием дела, верно?

Инэс. Да.

Гарсэн. Тебя-то я и должен убедить — ведь мы одной крови. Неужели ты думала, что я уйду? Я бы не оставил тебя здесь победившую и со всеми этими мыслями про меня в голове.

Инэс. Ты и вправду сможешь меня убедить?

Гарсэн. Я не могу иначе. Знаешь, я их больше не слышу. Они со мной покончили. Дело закрыто. Больше я ничего из себя не представляю на

земле, я уже даже не трус. Инэс, мы теперь одни: только вы обе еще можете думать обо мне. Она не в счет. Но ты ведь меня ненавидишь — если ты мне поверишь, я спасен.

Инэс. Тебе будет нелегко, ведь я упрямая.

Гарсэн. Я потрачу на это сколько угодно времени.

Инэс. О! У тебя его действительно сколько угодно.

Гарсэн (беря ее за плечи). Послушай, у каждого своя цель, так ведь? Мне было наплевать на деньги и на любовь. Я хотел быть человеком. Суровым человеком. Я поставил все на одну карту. Разве трусы выбирают самые опасные пути? Можно ли судить о целой жизни по одному поступку?

Инэс. Почему бы и нет? В течение тридцати лет ты тешил себя надеждой, что у тебя есть сердце; ты закрывал глаза на множество своих маленьких слабостей, потому что герою все простительно. Как удобно! А потом, когда пришла опасность, тебя поставили к стенке и... и ты уехал в Мехико.

Гарсэн. Я не придумал этот героизм. Я его выбрал. Мы такие, какими хотим себя видеть.

Инэс. Докажи это. Докажи, что это была не выдумка. Только поступки определяют цену наших желаний.

Гарсэн. Я слишком рано умер. У меня не хватило времени на поступки.

Инэс. Мы умираем всегда слишком рано или слишком поздно. Жизнь кончается — нужно подводить итоги. Ты — воплощение своей собственной жизни.

Гарсэн. Гадина! У тебя на все есть ответ.

Инэс. Давай-давай! Смелей! Тебе должно быть просто меня убедить. Ищи аргументы, сделай усилие. Гарсэн пожимает плечами. Ну что? Я же говорила, что ты уязвимый. Ага, теперь ты за все заплатишь. Ты трус, Гарсэн, трус, потому что я этого хочу. Я хочу этого, слышишь? А

ведь я слабая, Гарсэн, как ветерок; я только взгляд — и я тебя вижу, я лишь бесцветная мысль — и я о тебе думаю. (Гарсэн надвигается на нее, расставив руки) Что мне эти сильные мужские руки? На что ты надеешься? Мысль руками не схватить. Итак, у тебя нет выбора: нужно меня убедить. Ты в моих руках.

Эстель. Гарсэн!

Гарсэн. Чего тебе?

Эстель. Отплати ей.

Гарсэн. Как?

Эстель. Обними меня, услышишь, как она запоеет.

Гарсэн. Вот это верно, Инэс. Я в твоих руках, но и ты в моих. Склоняется к Эстель. Инэс вскрикивает.

Инэс. Трус! Трус! Ищи утешение у женщин!

Эстель. Пой, Инэс, пой!

Инэс. Классная парочка! Если бы ты видела его огромную лапу на своей спине, как она мнет платье и впивается в тело! У него мокрые руки, он весь потный. Он оставит пятно на твоём платье.

Эстель. Пой, птичка, пой! Обними меня крепче, Гарсэн, она подохнет со злости.

Инэс. Да-да, прижми ее покрепче! Жар ваших тел смешивается. Ну как, хорошая штука любовь, а, Гарсэн? Тебе мягко и тепло, как во сне, но я помешаю тебе уснуть.

Эстель. Не слушай. Поцелуй меня, я вся твоя.

Инэс. Чего же ты медлишь? Делай что сказано: трус Гарсэн обнимает детоубийцу Эстель. Делайте ставки! Поцелует ли ее трус Гарсэн? Я на вас посмотрю, я сама себе целая тьма народу. Гарсэн, ты слышишь глас народный? (Шепчет) Трус! Трус! Трус! Трус! Сколько ни убегай, я тебя не оставлю в покое. Что ты надеешься от нее получить? Забвение? Но я-то тебя не забуду! Это меня тебе надо убедить. Меня. Давай-давай. Я

тебя жду. Гляди, Эстель, он размыкает объятия, он покорный, как собака... Тебе его не видать!

Гарсэн. Так ночи никогда не будет?

Инэс. Никогда!

Гарсэн. Ты всегда будешь меня видеть?

Инэс. Всегда.

Гарсэн оставляет Эстель и делает несколько шагов по комнате. Подходит к камину. Гарсэн. Статуэтка... (Гладит ее) Эта минута пришла! Вот статуэтка, я смотрю на нее и понимаю, что я в аду. Говорю вам, все предусмотрено. Они знали, что я встану перед камином, дотронусь до статуэтки под вашими взглядами. Эти пожирающие взгляды... (Внезапно оборачивается) А! Вас только двое? Я думал, гораздо больше. (Смеется.) Так вот он какой, ад! Никогда бы не подумал... Помните: сера, решетки, жаровня... Чепуха все это. На кой черт жаровня: ад — это Другие.

Эстель. Любовь моя!

Гарсэн (отталкивает ее). Отстань. Та, другая, стоит между нами. Я не могу любить тебя, пока она смотрит.

Эстель. Ах, так! Тогда она больше не будет на нас смотреть. Хватает со стола нож для разрезания бумаги, бросается на Инэс и несколько раз бьет ее ножом.

Инэс (смеясь, отбивается). Что ты, дурочка? Забыла, что я мертвая?

Эстель. Мертвая? Бросает нож. Пауза. Инэс поднимает нож и яростно бьет себя им.

Инэс. Мертвая! Мертвая! Мертвая! Ни ножом, ни ядом, ни веревкой. Это уже сделано, понятно? И мы вместе навсегда. (Смеется)

Эстель (хохочет). Навсегда, Господи, вот смешно! Навсегда!

Гарсэн (смеется, смотря на них). Навсегда. Смеясь, падают каждый на свой диван. Долгое молчание. Перестают смеяться и смотрят друг на друга.

Гарсэн (встает). Ну что ж, продолжим.

ЗАНАВЕС

(Текст печатается по изданию: Сартр, Ж.-П. Философские пьесы / Ж.-П. Сартр; Пер. с фр., послесл. и коммент. Э.П. Юровской. – М.: Канон, 1996. – 384 с.)

Контрольные вопросы и задания

1. Как строятся отношения между действующими лицами в пьесе?
2. Как в данном фрагменте пьесы раскрывается «тезис» Ж. –П. Сартра о том, что «ад – это Другие»?
3. Почему персонажи не покидают комнату?

Библиографический список

1. Андреев Л.Г. Жан-Поль Сартр. Свободное сознание и XX век / Л.Г. Андреев. – М.: Московский рабочий, 1994. – 333 с.
2. Водолагин А.В. Идеи Ж.-П. Сартра в духовной жизни нашего времени [Текст] / А.В. Водолагин // Философия и общество. – 2006. – № 3. – С. 169-180.
3. Долгов К.М. О встрече с Жан Полем Сартром и Симоной де Бовуар / К.М. Долгов // Вопросы философии. – 2007. – № 2. – С. 151-161.
4. Кузнецов В.Н. Жан-Поль Сартр и экзистенциализм / В.Н. Кузнецов. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. – 285 с.
5. Юровская Э. П. Жан-Поль Сартр. Жизнь — философия — творчество / Э.П. Юровская. – СПб.: Петрополис, 2006. – 128 с.

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР (1889 – 1976)

– немецкий философ экзистенциального направления, оказавший значительное влияние на европейскую философию XX века. М. Хайдеггер акцентировал внимание не на рациональных формах опыта сознания, а на лежащей в их основе экзистенциальной ситуации. Согласно философу, подлинное понимание должно начинаться с наиболее фундаментальных уровней исторического, практического и эмоционального существования человека – тех уровней, которые поначалу могут не осознаваться и которые, возможно, влияют на деятельность самого разума. «Письмо о гуманизме» является ответом М. Хайдеггера на программную работу Ж.-П. Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм».

Письмо о гуманизме

Мы далеко еще не продумываем существо деятельности с достаточной определенностью. Люди видят в деятельности просто действительность того или иного действия. Его действительность оценивается по его результату. Но существо деятельности в осуществлении. Осуществить значит: развернуть нечто до полноты его существа, вывести к этой полноте, *producere* — про-из-вести. Поэтому осуществимо, собственно, только то, что уже есть. Но что прежде всего “есть”, так это бытие. Мыслью о-существляется отношение бытия к человеческому существу. Мысль не создает и не разрабатывает это отношение. Она просто относит к бытию то, что дано ей самим бытием. От-ношение это состоит в том, что мысль дает бытию слово. Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты — хранители этого жилища. Их стража — осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя ее в языке. Мысль не потому становится прежде всего действием, что от нее исходит воздействие или что она прилагается к жизни. Мысль действует, поскольку мыслит. Эта деятельность, пожалуй, самое простое и вместе высшее, потому что она касается отношения бытия

к человеку. Всякое воздействие покоится в бытии, но направлено на сущее. Мысль, напротив, допускает бытию захватить себя, чтобы с-казать истину бытия. Мысль осуществляет это допущение.

Вы спрашиваете: (comment redonner un sens au mot “Humanisme”)?¹ Вопрос идет от намерения сохранить слово “гуманизм”. Я спрашиваю себя, есть ли в том необходимость. Или недостаточно еще очевидна беда, творимая всеми обозначениями такого рода? Люди, конечно, давно уже не доверяют “измам”. Но рынок общественного мнения требует все новых. Люди снова и снова готовы откликаться на эту потребность. Названия вроде “логики”, “этики”, “физики” тоже возникают лишь с тех пор как подходит к концу самобытное мышление. Греки в свою великую эпоху мыслили без подобных клише. Даже “философией” они свою мысль не называли. Мысль приходит к концу, когда уклоняется от своей стихии. Ее стихия то, благодаря чему мысль может быть мыслью. Ее стихия — это в собственном смысле могущее: сама возможность. Она захватывает мысль и возвращает ее таким образом ее существу. Мысль, если сказать просто, есть мышление бытия. У родительного падежа здесь двойной смысл. Мысль есть мышление бытия, поскольку, сбываясь благодаря бытию, она принадлежит бытию. Она — мышление бытия одновременно и потому, что, послушная бытию, прислушивается к нему. Мысль есть то, что она есть в согласии со своей сутью, в качестве слышаще-послушной бытию. *Мысль* есть — это значит: бытие в своей истории изначально привязано к ее существу. Привязаться к какой-либо “вещи” или “личности” в ее существе значит: любить ее, быть расположенным к ней. Это расположение бытия, если его продумать глубже, означает: дарение существенности. Расположение бытия — собственное существо

¹ “Каким образом можно вернуть какой-то смысл слову “гуманизм”?” (*франц.*).

возможности, могущее не только производить то или это, но и осуществлять что-либо в его изначальности, т. е. дарить бытие. <...>

Если же люди понимают под гуманизмом вообще озабоченность тем, чтобы человек освободился для собственной человечности и обрел в ней свое достоинство, то, смотря по трактовке “свободы” и “природы” человека, гуманизм окажется разным. Различаются и пути к его реализации. Гуманизм Маркса не нуждается ни в каком возвращении к античности, равно как и тот гуманизм, каковым Сартр считает экзистенциализм. В названном широком смысле христианство тоже гуманизм, поскольку согласно его учению все сводится к спасению души (*salus aeterna*) человека и история человечества разворачивается в рамках истории спасения. Как бы ни были различны эти виды гуманизма по цели и обоснованию, по способу и средствам осуществления, по форме своего учения, они все сходятся на том, что *humanitas* искомого *homo humanus* определяется на фоне какого-то уже утвердившегося истолкования природы, истории, мира, мироосновы, т. е. сущего в целом.

Всякий гуманизм или основан на определенной метафизике, или сам себя делает основой для таковой. Всякое определение человеческого существа, заранее предполагающее, будь то сознательно или бессознательно, истолкование сущего в обход вопроса об истине бытия, метафизично. Поэтому своеобразие всякой метафизики имея в виду способ, каким определяется существо человека — проявляется в том, что она “гуманистична”. Соответственно всякий гуманизм остается метафизичным. При определении человечности человека гуманизм не только не спрашивает об отношении бытия к человеческому существу. Гуманизм даже мешает поставить этот вопрос, потому что ввиду своего происхождения из метафизики не знает и не понимает его. И наоборот, необходимость и своеобразие забытого в метафизике и из-за нее вопроса об истине бытия не может выйти на свет иначе, чем если среди господства

метафизики будет задан вопрос: “Что такое метафизика?”. Больше того, всякий вопрос о “бытии”, даже вопрос об истине бытия приходится на первых порах вводить как “метафизический” <...>.

Эк-зистенция может быть присуща только человеческому существу, т. е. только человеческому способу “бытия”; ибо одному только человеку, насколько мы знаем, доступна судьба эк-зистенции. Потому в экзистенции никогда и нельзя мыслить некий специфический род среди других родов живых существ, если, конечно, человеку надо все-таки задумываться о сути своего бытия, а не просто громоздить естественнонаучную и историографическую информацию о своих свойствах и своих интригах. Так что даже *animalitas*, которую мы приписываем человеку на почве сравнения его с “животным”, сама коренится в существе эк-зистенции. Тело человека есть нечто принципиально другое, чем животный организм. Заблуждение биологизма вовсе еще не преодолевается тем, что люди надстраивают над телесностью человека душу, над душой дух, а над духом экзистенциальность и громче прежнего проповедуют великую ценность духа, чтобы потом, однако, все снова утопить в жизненном переживании, с предостерегающим утверждением, что мысль-де разрушает своими одереженелыми понятиями жизненный поток, а осмысление бытия искажает экзистенцию. Если физиология и физиологическая химия способны исследовать человека в естественнонаучном плане как организм, то это еще вовсе не доказательство того, что в такой “органике”, т. е. в научно объясненном теле, покоится существо человека. Это ничуть не удачнее мнения, будто в атомной энергии заключена суть природных явлений. Может, наоборот, оказаться, что природа как раз утаивает свое существо в той своей стороне, которой она повертывается к технически овладевающему ею человеку. Насколько существо человека не сводится к животной органике, настолько же невозможно устранить или как-то компенсировать недостаточность этого определения человеческого

существа, наделяя человека бессмертной душой, или разумностью, или личностными чертами. Каждый раз это существо оказывается обойденным, и именно по причине того же самого метафизического проекта.

То, что есть человек, — т. е., на традиционном языке метафизики, “сущность” человека, — покоится в его экзистенции. Так понятая экзистенция, однако, не тождественна традиционному понятию *existentia*, означающему действительность в отличие от *essentia* как возможности. В “Бытии и времени” стоит закурсивленная фраза: “Сущность’ бытия-вот заключается в его экзистенции”. Но речь здесь не идет о противопоставлении *existentia* и *essentia*, потому что эти два метафизических определения бытия, не говоря уже об их взаимоотношении вообще, пока еще не были поставлены под вопрос. Фраза тем более не содержит какого-то универсального высказывания о наличном бытии как существовании в том смысле, в каком это возникшее в 18 веке обозначение для понятия “предмет” выражает метафизическое представление о действительности действительного. Во фразе сказано другое: человек существует таким образом, что он есть “вот” Бытия, т. е. его просвет. Это — и только это — “бытие” светлого “вот” отмечено основополагающей чертой экзистенции, т. е. экстатического выступления в истину бытия. Экстатическое существо человека покоится в экзистенции, которая отлична от метафизически понятой *existentia*. Эту последнюю средневековая философия понимает как *actualitas*. В представлении Канта *existentia* есть действительность в смысле объективности опыта. У Гегеля *existentia* определяется как самосознающая идея абсолютной субъективности. *Existentia* в восприятии Ницше есть вечное повторение того же самого. Вопрос о том, достаточным ли образом *existentia* в ее лишь на поверхностный взгляд различных трактовках, как действительность, позволяет осмыслить бытие камня или жизнь как бытие растений и животных, пусть остается здесь открытым. Во всяком случае, живые

существа суть то, что они суть, без того, чтобы они из своего бытия как такового выступали в истину бытия и стоянием в ней хранили существо своего бытия. Наверное из всего сущего, какое есть, всего труднее нам осмыслить живое существо, потому что, с одной стороны, оно неким образом наш ближайший родственник, а с другой стороны, оно все-таки отделено целой пропастью от нашего эк-зистирующего существа. Наоборот, бытие божества как будто бы ближе нам, чем отчуждающая странность “живого существа”, — ближе в той сущностной дали, которая в качестве дали все-таки роднее нашему экстатическому существу, чем почти непостижимое для мысли, обрывающееся в бездну телесное сродство с животным. Подобные соображения бросают на расхожую и потому всегда пока еще слишком опрометчивую характеристику человека как *animal rationale* непривычный свет. Поскольку растение и животное, хотя всегда и очерчены своей окружающей средой, однако никогда не выступают свободно в просвет бытия, а только он есть “мир”, постольку у них нет языка; а не так, что они безмирно привязаны к окружающей среде из-за отсутствия у них языка. В этом понятии “окружающей среды” сосредоточена вся загадочность живого существа. Язык в своей сути не выражение организма, не есть он и выражение живого существа. Поэтому его никогда и не удастся сущностно осмыслить ни из его знаковости, ни, пожалуй, даже из его семантики. Язык есть просветляюще-ута-ивающее явление самого Бытия.

Если человек впредь сумеет мыслить истину бытия, то он будет мыслить ее из эк-зистенции. Эк-зистирруя, он открыт судьбе бытия. Эк-зистенция человека в качестве экзистенции исторична, но прежде всего не потому и не только потому, что с течением времени с человеком и с человеческими вещами случается многое <...>.

Как же относится, если только мы вообще имеем право так прямо ставить вопрос, бытие к эк-зистенции? Бытие само есть от-ношение,

поскольку оно сосредоточивает на себе и тем относит эк-зистенцию в ее экзистенциальном, т. е. экстатическом существе к себе как к местности, где эк-зистенция ищет бытийную истину посреди сущего. Поскольку, экзистирова в этом от-ношении, в качестве какового посылает себя само бытие, человек поднимается на ноги, экстатически вынося его на себе, т. е. принимая его с заботой, он не распознает ближайшее и держится того, что следует за ближайшим. Он даже думает, что это следующее и есть ближайшее. Но ближе, чем все ближайшее, и вместе дальше для обыденной мысли, чем ее самые далекие дали, пролегает самая близкая близь: истина Бытия <...>.

(Текст печатается по изданию: Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер // Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.)

Задания

1. Обозначьте и кратко охарактеризуйте проблематику текста.
2. Как вы поняли, в чем различие понимания гуманизма М. Хайдеггером и его заочным оппонентом (Ж.–П. Сартром)?
Какой позиции отдаете предпочтение вы?
3. Философское осмысление проблемы «гуманизма» в тексте носит антропологический, онтологический, этический или эстетический характер?
4. Предложите собственную версию: что такой гуманизм?
5. Приведите несколько примеров гуманного поступка. Точку зрения обоснуйте.

Библиографический список

1. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер // Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
2. Мартин Хайдеггер, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни : (С прил. фотодок. и ил.) : Пер. с нем. / Предисл. А. Верникова. — Челябинск: Урал, 1998. – 326 с.
3. Ставцев, С.Н. Введение в философию Хайдеггера : учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитар. специальностей. — СПб.: Лань, 2000. – 192 с.

Задания для самопроверки к разделу I

1. К какому литературному жанру относится произведение Ж.-П. Сартра «За закрытыми дверями»?
2. Продолжите фразу (тезис Ж.-П. Сартра): «Ад – это ...».
3. Мифический персонаж, ставший олицетворением абсурдного героя у А. Камю?
4. Принцип экзистенциализма, характеризующий отношения человека и мира как неподдающееся рациональному истолкованию?
5. «Гуманизм», по М. Хайдеггеру, это:
человечность;
сущность метфизики;
свобода;
идея спасения?»
6. Согласно мысли М. Хайдеггера, «экзистенция» у Канта – действительность, у Гегеля – самосознающая идея, у Ницше - ?

ГАБРИЭЛЬ МАРСЕЛЬ **(1889 – 1973)**

- французский религиозный философ и драматург, с именем которого связано возникновение в 20-х гг. прошлого века экзистенциализма во Франции. Находился под сильным влиянием философия С. Кьеркегора, но в 1929 году стал ревностным католиком. Глубокая религиозность и гуманизм отделяли Г. Марселя от последующих французских экзистенциалистов. В центре внимания мыслителя - проблема бытия, преломленная через индивидуальный опыт, существование отдельного человека. Осмыслить задачи философа в современном мире предлагает Г. Марсель в настоящей статье.

Ответственность философа в современном мире

Дебаты, которые велись с конца Второй мировой войны, зачастую в противоречивых условиях, вокруг понятия ангажированной философии, еще нельзя считать завершившимися. Возможно даже, что сегодня они серьезнее, чем когда-либо, особенно во Франции, когда уже поневоле задаешься вопросом, не идет ли речь о самом существовании философии. Что я имею в виду? Что существование философии, — я надеюсь суметь это показать, — может быть признано лишь в том случае, если будет установлено, что она налагает действенную ответственность в ситуации беспрецедентного кризиса, свидетелями которого мы являемся вот уже четверть века.<...>

У людей, солидно устроенных в жизни, но которые при этом не без умиления взирают на далекие годы своей учебы, часто можно встретить идею о том, что философия — это своего рода интеллектуальная игра, гимнастика, делающая мысль гибкой, что хорошо иметь за плечами

некоторый опыт подобных упражнений, не питая при этом иллюзий по поводу ее подлинного значения.

Что до меня, то я бы сказал, что если философию ждет такая участь, то лучше желать ее исчезновения. Если она всего лишь игра, то недостаточно сказать, что она — вне жизни, реально и всерьез прожитой; она, кроме того, рискует казаться обманом, ибо всегда выступает с претензиями, которые могут вводить в заблуждение юные умы и которые в принятом нами случае должны были бы быть рассматриваемы как лживые. Со своей стороны, скажу без колебаний, что философия, если она не имеет резонанса в нашей жизни, сегодня оказавшейся под угрозой во всех отношениях, лишена значения и не представляет ни малейшего интереса. Однако надо пойти дальше и сказать, что сам этот резонанс зависит от позиции, которую философия занимает относительно истины.

В самом деле, не декларировал ли несколько лет тому назад патентованный философ Сорбонны, пользующийся непререкаемым авторитетом, в предназначенной для начинающих студентов телевизионной беседе, что понятие истины обретает вполне определенный смысл только в науках? Высказаться подобным образом — значит попросту провозгласить отставку философии. Обращаясь сегодня к прошлому, мы можем заметить, что среди великих философов нет, по видимому, ни одного, кто в своем учении отказал бы истине в праве гражданства. Даже такой иррационалист, как Шопенгауэр, вне всякого сомнения, полагал, что в глубине вещей он открыл истину. Единственное исключение, вероятно, скорее, внешнее, чем действительное, составляет Ницше, в той мере, в какой его философия может показаться определенным образом обретающейся не только по ту сторону добра и зла, но и по ту сторону истинного и ложного. Однако такая философия может считаться состоятельной лишь в том случае, если она, несмотря ни на что, признает, что определенный тип истины, скажем, к примеру, научная

истина, должен быть превзойден; но разве это трансцендирование не ведет неизбежно к восстановлению высшей истины, несводимой вдобавок к тому, что мы обычно обозначаем этим словом? Вообразить, что можно уйти от этой необходимости, — значит вступить на путь, где человек оказывается во власти бреда. Есть основания думать, что в этом свете безумие Ницше — это не просто событие, относящееся к компетенции медицины, но что оно несет в себе смысл, что оно в действительности связано с нарушением запретного.

Однако здесь следует предусмотреть законный вопрос. “Когда Вы говорите о философе, — скажут мне, — имеете ли Вы в виду философа вообще или, скорее, кого-то определенного, с кем Вы ощущаете внутреннюю близость? И если верно именно последнее, то каким образом Вы могли бы избежать субъективизма? С другой стороны — есть ли смысл говорить о “философе вообще”?”

... Что здесь важно видеть, на мой взгляд, — это что философствование не есть нечто предпринимаемое исключительно для себя, именно — с целью выйти из состояния неопределенности или смятения путем достижения некоторого внутреннего равновесия, которым сам субъект мог бы удовлетвориться. Напротив, скорее, все происходит так, словно философ разделяет, берет на себя беспокойство или тревогу других людей, которых он не знает лично, но с которыми ощущает себя связанным узами братства.

... Когда я говорю об ответственности философа, мыслю ли я себя, свою ответственность? Боюсь, что здесь придется ответить одновременно и “да”, и “нет”. Поскольку я помещаю себя в круг философов, я никоим образом не могу “устраниться” из того, что собираюсь сказать. Но в то же время, поскольку я осознаю собственную недостаточность и своего рода неверность, по-видимому, неизбежную, призванию, которое превосходит мои личные возможности, я, быть может, должен буду утверждать то, что,

как я, к несчастью, знаю, сам я полностью выполнить не могу. Итак, здесь остается некая область невосполнимого: признать это — значит в то же самое время решительно признать, до какой степени всякая гордость или высокомерие мне воспрещены уже по определению.

...Первый вопрос, неизбежно возникающий, — в том, чтобы спросить себя, перед кем ответствен философ; и если предположить, что на этот вопрос невозможно ответить, то в этом случае сохраняет ли слово “ответственность” значение, сколько-нибудь поддающееся определению? Возьмем здесь крайний случай, каковым является тоталитарное государство, будь то нацистская Германия или Россия Советов. Здесь вопрос об ответственности на самом деле совершенно ясен: философ ответствен перед обществом и, точнее, в двух рассматриваемых случаях, перед единственной партией и теми, кто является ее детищем, кто кичится, что является единственным хранителем истины, как бы ни назывался новый Коран, в котором она сформулирована: “Капитал” или “Mein Kampf”.

Однако мы не можем не заметить тут же, что философ, который таким образом подчиняется порядку, исходящему от “высшей власти”, преступает тем самым условие философского поиска, которое должно считаться нерушимым: это условие — независимость. Следует, не колеблясь, обвинить в отступничестве философа, который ставит себя на службу псевдоистине, объявленной абсолютной. Здесь мы сталкиваемся с определенной “транспозицией” того, чем мог быть несколько веков назад теологический догматизм, однако эта транспозиция происходит в условиях, значительно ее отягчающих, поскольку этот новый догматизм не может претендовать на то, что он основывается на чем-либо, напоминающем Откровение.

...Философ, помнящий о своей ответственности, должен сотрудничать с глубинными силами жизни, к тому же с постоянным

ощущением своей недостаточности, слабости. Никогда он не должен позволять себе слыть оракулом: в подобной области пророческое неизбежно оборачивается шарлатанством, а что может быть презреннее и смешнее шарлатана, который сам о том не подозревает?

...Философ всегда должен стремиться побороть в себе склонность облегчить себе задачу. Он должен поставить перед собой вопрос, не является ли идея человека и человеческих ценностей, которые он поддерживает, плодом чистой субъективности. Но он должен будет также ответить — ответить самому себе, что то, что важно здесь, что, единственное, может оправдать данное утверждение или выбор, это свидетельства, примеры, сохраненные историей; такими свидетельствами являются, конечно, не только письменные источники, но еще — и, быть может, в первую очередь — жизни: эти свидетельства все тяготеют к универсализму, который может рассматриваться как под углом зрения рациональности, так и под углом зрения христианства, часто — под тем и другим одновременно. Конечно, слово “универсализм” слишком абстрактно, но речь идет о духе, который способен вызвать у людей взаимопонимание и уважение одних другими, — разумеется, не навязывая при этом эгалитаризма, относительно которого критическая мысль, главным образом со времен Ницше и Шелера, показала, что он лежит в основе хаоса и озлобления. Так стоит ли в самом деле говорить, что дух этот отражает лишь субъективное требование? Подобное утверждение может строиться только на злоупотреблении словами. Кроме того, история понятия “субъективность” показывает, с какой осмотрительностью должно использоваться это понятие.

К тому же право философа — очертить те пределы, в которых он считает обновление возможным, а стремление к обновлению — оправданным.

Недавно, в совершенно ином контексте, я попытался уточнить, что я подразумеваю под словами “экзистенциальная зрелость”. Основная цель философа, на мой взгляд, состоит в том, чтобы не только способствовать этому созреванию, но прежде определить его условия. Поэтому он должен очень тщательно различать, что является зрелым и что находится уже в процессе разложения. Не преминем заметить, что таким образом мы вновь отводим место традиционной идее совершенства, однако подходим к ней с позиций и в перспективе жизни. Совершенство, отделенное от жизни, — это всего лишь *eidolon*, философ не должен ему доверяться.

Возвращаясь еще раз к идее ответственности, я хотел бы сказать, что, быть может, именно в свете этой идеи экзистенциальной зрелости можно наилучшим образом постичь ее природу. В самом деле, мы видим, что ответственность философа в отношении самого себя лишь ценой абстракции может быть обособлена от его ответственности в отношении других людей: никогда и ни в каком случае ему не дозволено отмежевываться от них, предоставляя себе какой-либо привилегированный статус. На мой взгляд, философ, достойный этого имени, может быть способен к творческому развитию и даже просто к самоопределению лишь под знаком этого братства.

(Текст печатается по изданию: Марсель Г. Ответственность философа в современном мире // Путь в философию. Антология. — М., 2001. — С. 254—267).

Контрольные вопросы и задания

1. Какие задачи ставит перед философом Г. Марсель?
2. Как связаны между собой понятия «экзистенциальная зрелость» и «цель философа»?
3. Предложите свою интерпретацию понятия «ответственность».

4. Сравните предложенный текст с текстом Л. Шестова «Апофеоз беспочвенности». Найдите общие, на ваш взгляд, идеи и обоснуйте свой выбор.

Библиографический список

1. Визгин В.П. Николай Бердяев и Габриэль Марсель: к феномену встречи // Вопросы философии – № 3. - 2010. - С. 110-118.
2. Визгин В.П. Философия Габриэля Марселя: Темы и вариации. – СПб.: "Мирь", 2008. – 711 с.
3. Марсель Г. Опыт конкретной философии ; пер. с фр. — М.: Мыслители XX века, 2004. — 224 с.

СЁРЕН КЬЕРКЕГОР (1813 – 1855)

– датский философ, протестантский теолог, писатель, предтеча и одновременно основатель экзистенциализма. Философские воззрения С. Кьеркегора сложились под влиянием немецкого романтизма, а также антирационалистической реакции на гегелевскую философию. Изложенное в форме трактата «Понятие страха» посвящено изучению психологических предпосылок возможности совершения человеком греха. С. Кьеркегор доказал, что человек всегда пользуется своей свободой, переходя в скачке от невинности к греху. Философ поставил себе целью новое открытие христианских жизненных смыслов - посредством страстей человеческих.

Понятие страха

*Страх как предпосылка первородного греха и как то, что разъясняет
первородный грех вспять, в направлении его истока*

...Адам был создан, он дал животным имена (здесь опять-таки появляется речь, хотя, вероятно, еще и несовершенным образом, подобно тому как ей учатся дети, когда они узнают изображение животного на дощечке с азбукой), однако не нашел для себя никакого общества. Была создана Ева, сотворенная из его ребра. Она стояла к нему в возможно более внутреннем отношении, хотя вместе с тем это было все же внешнее отношение. Адам и Ева суть просто нумерическое повторение. Будь в этом смысле там тысяча Адамов, это означало бы ничуть не больше, чем то, что был только один. Это то, что касается происхождения рода от одной пары. Природа не любит бессмысленной чрезмерности. Поэтому, если предположить, что род происходит от более чем одной пары, это значит, что существует мгновение, когда природа имела такую ничего не говорящую чрезмерность. Как только положено отношение между поколениями, ни один человек не является более чем-то излишним; ибо каждый индивид является собой самим и родом.

Затем следует запрет и установление наказания. Однако змей был хитрее всех полевых зверей, он обманул женщину. Можно сколько угодно называть это мифом, но не стоит забывать о том, что этот миф не мешает мысли и не путает понятия, как это делает миф рассудка. Миф просто позволяет проявиться вовне тому, что является внутренним.

Здесь прежде всего следует обратить внимание на то, что женщина соблазняется первой и уже потом соблазняет мужчину. <...> Ева — это нечто производное. Она, конечно же, создана, подобно Адаму, однако она создана из предшествующего творения. Она конечно же невинна, подобно Адаму, однако тут присутствует как бы предчувствие некой предрасположенности, которая хотя еще и не является грехом, однако сама подобна намеку, позволяющему проявиться греховности, установившейся посредством передачи, — этот намек является тем производным, которое заранее предопределяет отдельного индивида, еще не делая его тем самым виновным.

<...> Трудность со змеем вообще заключена совершенно в другом — в том, чтобы позволить искушению прийти извне. Это прямо противоречит учению Библии, противоречит известному классическому месту из Послания Иакова, в котором говорится о том, что Бог никого не искушает и сам не искушается, но что каждый искушается сам. Если кто-нибудь подумает, что спас Бога, допустив, будто человека искушал змей, и вместе с тем будет полагать, что приходит в согласие со словом Иакова о том, что «Бог не искушает никого», он тотчас же сталкивается с другими его словами, что Бог сам никем не искушается. Ведь выпад змея против человека был одновременно опосредованным искушением, направленным против Бога, поскольку тем самым змей вмешивается в отношение между Богом и человеком; кроме того, он опять-таки сталкивается с третьим положением, что каждый искушается сам.

Теперь следует грехопадение. Его не может разъяснить психология, ибо это качественный прыжок. Давайте, однако, хотя бы на мгновение рассмотрим его последствия, как они представлены в этом повествовании, с тем чтобы еще раз обратить внимание на страх как предпосылку первородного греха.

Последствия были двойственны: грех вошел в мир, и там возникла сексуальность; причем одно не может быть отделено от другого. Это крайне важно, чтобы показать изначальное состояние человека. Если бы он не был синтезом, опирающимся на нечто третье, одна вещь не могла бы иметь два следствия. Если бы он не был синтезом души и тела, опирающимся на дух, сексуальность никогда не могла бы войти в мир вместе с греховностью.

Оставим в стороне создателей всевозможных фантастических проектов и просто примем, что сексуальное различие существовало и до грехопадения, правда на самом деле его как бы и не было, поскольку его нет в состоянии неведения. В этом отношении на нашей стороне и Писание.

В невинности Адам как дух был духом мечтающим. Между тем этот синтез еще не является действительным; ибо связующее звено — это дух, а он еще не установлен как дух. Среди животных сексуальное различие может быть развито инстинктивно, однако это не может происходить таким же образом у человека, — именно потому, что он есть синтез. В то мгновение, когда дух устанавливает самое себя, он устанавливает синтез, но для того чтобы установить синтез, он должен прежде всего пронизать его различием, а крайняя точка чувственного — это как раз сексуальное. Человек может достигнуть этой крайней точки только в то мгновение, когда дух становится действительным. До этого времени он не зверь, но, собственно, и не человек; только в то мгновение, когда он становится

человеком, он становится им благодаря тому, что одновременно становится животным.

Стало быть, греховность — это не чувственность, никоим образом, но без греха нет никакой сексуальности, а без сексуальности нет истории. Совершенный дух не имеет ни того, ни другого, почему, скажем, сексуальное различие снимается вместе с восстанием из мертвых и почему у ангела нет истории. Даже если бы архангел Михаил отмечал все дела, на которые он был послан и которые выполнил, это все равно не составляло бы его истории. Только в сексуальном синтез установлен как противоречие, но, подобно всякому противоречию, он установлен также и как задача, чья история начинается в это самое мгновение. Такова действительность, которой предшествует возможность свободы. Однако возможность свободы состоит не в том, что можно выбирать между добром и злом. Подобная бездумность значит так же мало для Писания, как и для мышления. Возможность состоит в том, чтобы мочь. В логической системе очень удобно сказать, что возможность переходит в действительность. В действительности все это не так легко, и здесь нужно некоторое промежуточное определение. Такое промежуточное определение есть страх, который столь же мало объясняет качественный прыжок, как и оправдывает его этически. Страх — это не определение необходимости, но он также и не определение свободы, страх есть скованная свобода, когда свобода не свободна в самой себе, но скована — и не в необходимости, но в себе самой. Если грех пришел в мир необходимо (что является противоречием), значит, нет никакого страха. Если грех вошел в мир через акт абстрактного *liberum arbitrium* (которого ни вначале, ни позднее не было в мире, поскольку это вздорная мысль), страха опять-таки нет. Стремиться объяснить приход греха в мир логически — это глупость, это может прийти в голову только людям, которые смехотворно озабочены тем, чтобы всюду находить разъяснения.

<...>

Каждая наука заключена либо в некой логической имманентности, либо в имманентности внутри трансцендентности, которую она никак не способна объяснить. Но грех это как раз такая трансцендентность, такой критический *discrimen rerum* («поворотный пункт (в ходе) вещей» (лат.)), в котором грех входит в единичного индивида как в единичного. Никак иначе грех в мир не входит и никогда не входил в него иначе. Стало быть, когда единичный индивид достаточно глуп, чтобы спрашивать о грехе как о чем-то, что его не касается, он задает вопросы, как дурак; ибо он либо вообще не знает, о чем идет речь, и потому никак не может это узнать, либо он это знает и понимает, включая то, что ни одна наука не может ему этого разъяснить. Временами, однако же, наука была достаточно любезна, чтобы пойти навстречу сентиментальным желаниям, выдвигая тяжеловесные гипотезы, о которых она затем сама же сообщала, что они не являются удовлетворительными разъяснениями. Это, разумеется, совершенно верно; однако путаница состоит в том, что наука не отклоняла решительно такие глупые вопросы, но скорее укрепляла суеверных людей в убеждении, что однажды явится некий ученый изобретатель проектов, который сумеет найти правильный ответ. И о том, что прошло уже шесть тысяч лет с того времени, как грех вошел в мир, говорится совершенно таким же образом, как о том, что прошло уже четыре тысячи лет с тех пор, как Навуходоносор превратился в вола. Если это понимают так, то нет ничего удивительного, что и разъяснение под стать этому. То, что в некотором отношении является самым простым на свете, превращают в самое трудное. И то, что даже самый простой человек все же по-своему понимает, причем понимает верно, — коль скоро он понимает, что не ровно шесть тысяч лет назад грех вошел в мир, — благодаря искусству этих создателей проектов становится для науки неким призовым заданием, с которым пока еще никто не справился удовлетворительно. То, как грех

вошел в мир, каждый человек понимает единственно через себя самого; если он научится этому у другого, он как раз поэтому поймет это неправильно. Единственная наука, которая здесь отчасти способна помочь, — это психология, однако же и она сама признает, что ничего не разъясняет, не может разъяснять и не желает разъяснять.

Если бы какая-то наука могла это разъяснить, все окончательно бы запуталось. То, что человек науки должен забывать о себе, — это абсолютно верно; но именно поэтому можно считать весьма удачным, что грех отнюдь не является научной проблемой, а значит, ни у какого человека науки, равно как ни у какого создателя проектов, нет обязательства забыть, как грех вошел в мир. Пожелай он этого, пожелай он в высшем смысле забыть самого себя, — тогда в своем усердии объяснить все человечество он станет столь же смешон, как тот надворный советник, который, торопясь оставить свою визитную карточку у каждого знакомого, прилагал столько стараний, жертвуя собой, что в конце концов позабыл, как его зовут. А может, его философское воодушевление сделает его настолько рассеянным, что ему понадобится добродетельная и здравомыслящая супруга, которую он смог бы спросить, подобно тому как книготорговец Сольдин спрашивал Ревекку, когда во вдохновенной забывчивости он потерял себя в объективности болтовни: «Ревекка, а это я говорю?»

Абсолютно нормально, что в наше замечательное время высокочтимые люди науки, те, кто в своих известных всему обществу научных изысканиях и поисках системы ищет в ней местечко и для греха, могут счесть вышесказанное совершенно ненаучным. Однако само общество должно начать искать вместе с ними или, по крайней мере, включать этих глубокомысленных изыскателей в свои благочестивые молитвы; эти ученые определенно найдут подходящее место, подобно

тому как ищущий, «где горит», наконец находит это, не замечая, что на самом-то деле все уже горит прямо у него в руках.

(Текст печатается по изданию: Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор; Пер. с дат. Н.В.Исаевой и С.А.Исаева. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1998. – 384 с.)

Контрольные вопросы и задания

1. Что значит, что человек есть синтез? Каков путь к этому синтезу?
2. Как связана греховность и сексуальность?
3. Как связан страх с грехом?
4. В чем слабость логических рассуждений науки?

Библиографический список

1. Быховский, Б.Э. Кьеркегор / Б.Э. Быховский. - М.: Мысль, 1972. – 228 с.
2. Гайденко, П.П. Трагедия эстетизма. Опыт характеристики мировоззрения Серена Кьеркегора Текст. / П.П. Гайденко. - М.: Искусство, 1970. – 247 с.
3. Долгов, К.М. От Кьеркегора до Камю: Философия. Эстетика. Культура Текст. / К.М. Долгов. - М.: Искусство, 1990. – 397 с.

Задания для самопроверки к разделу II

1. Главным условием философа согласно Г. Марселю, является ...?
2. Основная цель, стоящая перед философом, по Г. Марселю: определение экзистенциальной зрелости или следование совершенству (eidolon)?

3. Что, по мысли С. Кьеркегора, является предпосылкой первородного греха?
4. Что С. Кьеркегор определяет как «скованная свобода»?

ФРАНЦ КАФКА **(1883 – 1924)**

– немецкоязычный писатель XX века

опубликована посмертно. Произведения Ф. Кафки завораживающе увлекательны, порой изощренно жестоки, пронизанные абсурдом и страхом перед внешним миром и высшими силами, способны пробуждать в читателе соответствующие экзистенциальные переживания, — явление уникальное в мировой литературе. Несмотря на завещание, обращенное к М. Броду, сжечь все свое литературное и эпистолярное наследство, тот сохранил и издал всю прозу, дневники и письма Ф. Кафки. «Дневники» знакомят нас с оригинальным, художественно-документальным мировосприятием писателя.

Дневники

1911

4 октября

Я беспокоен и язвителен. Вчера перед сном у меня в верхней части головы мерцал прохладный огонек. Над левым глазом уже прочно обосновалась давящая тяжесть. Когда я думаю об этом, мне кажется, что на службе я больше не смог бы выдержать даже в том случае, если бы мне сказали, что через месяц я стану свободен. И тем не менее я, как правило, выполняю на службе свои обязанности, вполне спокоен, если могу быть уверен, что шеф доволен мною, и не считаю свое положение столь ужасным. Впрочем, вчера вечером я намеренно сделался бесчувственным, ходил гулять, читал Диккенса, потом я немного оправился, у меня не было сил предаться грусти, которую я считаю оправданной и тогда, когда она кажется чуть отодвинутой вдаль, что дает мне надежду на лучший сон. Он и был глубже, но недостаточно глубок и часто прерывался. Я говорил себе в утешение, что зато снова подавил великое волнение, возникшее во мне,

что я не хочу терять власти над собой, как это раньше всегда бывало после таких периодов, что и послеродовые боли этого волнения не заставят меня лишиться четкого сознания, как то всегда бывало прежде. Может быть, я таким образом сумею найти в себе еще какую-то скрытую силу сопротивления.

2 ноября

Сегодня утром впервые после долгого перерыва снова радость при представлении о поворачиваемом в моем сердце ноже.

В газетах, в разговорах, в канцелярии часто прельщает яркость языка, затем порожденная нынешней слабостью надежда на внезапное и потому особенно сильное озарение, или одна лишь самоуверенность, или просто халатность, или сильное впечатление, которое во что бы то ни стало хочешь свалить на будущее, или мнение, будто нынешний подъем оправдывает любую сумбурность в будущем, или радость от фраз, которые одним-двумя толчками поднимаются посредине и заставляют постепенно раскрыть рот во всю ширь, а затем закрыть даже слишком быстро и судорожно, или намек на возможность решительного, основанного на ясности суждения, или стремление придать уже законченной речи дальнейшее плавное течение, или потребность спешно бросить, если нужно, на произвол судьбы тему, или отчаяние, ищущее исхода для своего тяжелого дыхания, или стремление к свету без тени – все это может заставить прельститься фразами, подобными следующим: «Книга, которую я сейчас закончил, лучшая из всех, что я до сих пор читал», или: «Так хороша, как никакая другая из прочитанных мною».

16 декабря

Воскресенье, двенадцать часов дня. Утро потратил попусту на сон и чтение газет. Страх перед писанием рецензии для пражской «Тагблатт». Этот страх всегда выражается в том, что я при случае, не за письменным

столом, придумываю вступительные фразы к тому, что должен написать, и они сразу же оказываются непригодными, сухими, ломаются задолго до конца и своими торчащими изломами предвещают грустный итог.

В переходные периоды – а таким для меня была последняя неделя и нынешний момент тоже – меня часто охватывает грустное, но спокойное удивление собственной бесчувственностью. Я отделен ото всех вещей пустым пространством, через границы которого я даже и не стремлюсь пробиться.

Я убедился, что воскресенье я никогда не могу использовать полнее, чем будний день, так как своим особым распорядком оно опрокидывает все мои привычки и мне необходимо лишнее время, чтобы кое-как приладиться к этому особому дню.

В тот момент, когда я освобожусь от службы, я немедленно осуществлю свое желание написать автобиографию. Такая решительная перемена должна перед началом работы на время стать целью, чтобы суметь управлять потоком событий. Другой же, более плодотворной перемены, которая сама по себе столь страшно невероятна, я не вижу. Тогда работа над автобиографией была бы большой радостью, потому что она давалась бы так же легко, как записывание снов, но вместе с тем дала бы совсем другой, заметный результат, который всегда влиял бы на меня и был бы доступен разуму и чувству каждого.

27 декабря

Чувство фальши, которое я испытываю, когда пишу, можно выразить следующим сравнением: человек сидит перед двумя слуховыми окошками и ожидает некоего видения, которое может появиться только в правом окошке. Но именно оно и закрыто еле заметным запором, а видения одно за другим возникают в левом окошке, они упорно стараются привлечь к себе взгляд, добиваются своего и в конце концов, все увеличиваясь в

объеме, полностью заслоняют предназначенное отверстие, несмотря на все противодействие. Теперь, если упомянутый человек не хочет покинуть своего места – а он ни в коем случае не хочет, – он вынужден заниматься этими видениями, которые вследствие своей летучести – на одно лишь появление они тратят всю свою силу – не могут удовлетворить его, но, когда из-за слабости они задерживаются, их можно разогнать во все стороны, чтобы дать возможность появиться другим, ибо надолго задержать взгляд на одном из них невыносимо и к тому же теплится надежда, что после того, как иссякнут все фальшивые видения, наконец покажутся подлинные. Как мало силы в этом образе. Между настоящим чувством и его описанием проложена, как доска, предпосылка, лишенная всяких связей.

1913

26 октября

«Так кто же я такой?» – набросился я на себя. Я поднялся с дивана, на котором лежал с поднятыми коленями, и сел. Дверь, ведущая прямо с лестничной площадки в мою комнату, отворилась, и вошел молодой человек с опущенной головой и испытующим взглядом. Он обогнул, насколько это было возможно в тесной комнате, диван и остановился в темном углу около окна. Я хотел посмотреть, что это за явление, направился туда и взял его за руку. Это был живой человек. Несколько ниже меня ростом, он с улыбкой поднял на меня глаза; уже сама беззаботность, с какой он кивнул и сказал: «Вы только испытайте меня», должна была успокоить меня. Тем не менее я схватил его за отвороты пиджака и потряс. Мне бросилась в глаза его красивая массивная золотая цепь от часов, и я рванул ее книзу с такой силой, что порвалась петля, к которой она была прикреплена. Он спокойно перенес это, лишь посмотрел на причиненный ущерб и безуспешно попытался застегнуть жилетную

пуговицу порванной петлей. «Что ты сделал?» – сказал он наконец и показал на жилет. «Спокойно!» – с угрозой сказал я.

Я начал метаться по комнате, с шага перешел на рысь, с рыси на галоп и каждый раз, минуя посетителя, показывал ему кулак. Он же возился со своим жилетом, не обращая на меня никакого внимания. Я чувствовал себя очень свободно, мне дышалось необычайно легко, и лишь одежда мешала груди исполински вздыматься...

4 декабря

Со стороны глядя, это ужасно – умереть взрослым, но молодым еще страшнее покончить с собой. Уйти из жизни в полном смятении, которое имело бы смысл, если бы ему суждено было продлиться, утратив все надежды, кроме одной-единственной, что по великому счету твое появление на свет будет считаться как бы несостоявшимся. В таком положении я мог бы оказаться сейчас. Умереть сейчас значило бы не что иное, как погрузить Ничто в Ничто, но чувства не могли бы с этим примириться, ибо можно ли, даже ощущая себя как Ничто, сознательно погрузить себя в Ничто, ничто не просто в пустое Ничто, а в Ничто бурлящее, чье ничтожество состоит лишь в его непостижимости.

Кружок мужчин, господ и слуг. Четкие, сверкающие живыми красками лица. Господин садится, слуга подает ему на подносе кушанья. Между обоими разница не большая, чем, например, разница между человеком, в результате взаимодействия бесчисленных обстоятельств ставшим англичанином и живущим в Лондоне, и другим – лапландцем, одиноко плывущим в своей лодке по морю во время шторма. Конечно, слуга – тоже при определенных обстоятельствах – может стать господином, но этот вопрос, как ни отвечай на него, здесь не играет роли, ибо речь идет о данной оценке данных отношений.

Страх перед глупостью. Глупость видится в каждом чувстве, стремящемся прямо к цели, заставляющем забыть обо всем остальном. Что же тогда не глупость? Не глупость – это стоять, как нищий у порога, в стороне от входа, постепенно опускаться и погибнуть. Но П. и О. все-таки отвратительные глупцы. Необходимы глупости более великие, чем их носители. Но как отвратительны маленькие глупцы, которые тщатся совершить великие глупости. А разве не таким же выглядел Христос в глазах фарисеев?

1915

7 февраля

Полнейший застой. Бесконечные мучения. При известной степени самопознания и при других благоприятствующих наблюдению за собой условиях неизбежно будешь время от времени казаться себе отвратительным. Любой критерий хорошего – сколь различны бы ни были мнения на сей счет – будет представляться слишком высоким. Придется признаться себе, что ты являешься не чем иным, как крысиной норой жалких задних мыслей. Даже малейший поступок будет зависить от этих жалких мыслей. Эти задние мысли будут такими грязными, что, анализируя свое поведение, не захочешь даже продумать их, а ограничишься взглядом на расстоянии. Эти задние мысли будут обуславливаться не каким-то, скажем, корыстолюбием, – корыстолюбие по сравнению с ними покажется идеалом добра и красоты. Грязь, которую обнаружишь, будет существовать во имя самой себя, ты познаешь, что явился на этот свет насквозь пропитанный ею, из-за нее же, неузнанный или слишком хорошо распознанный, отойдешь в мир иной. Эта грязь будет самым глубинным слоем, которого только можно достичь, но этот самый глубинный слой будет состоять не из лавы, а из грязи. Она будет началом

и концом, и даже сомнения, которые породит самоанализ, очень скоро станут столь же вялыми и самодовольными, как свинья, валяющаяся в навозной жиже.

1922

16 января

Последняя неделя была как катастрофа, катастрофа полная, подобная лишь той, что произошла однажды ночью два года назад, другой такой я больше не переживал. Казалось, всему конец, да и сейчас как будто бы ничего еще не изменилось. Это можно воспринять двояко, пожалуй, только так и можно это воспринимать.

Во-первых, бессилие, не в силах спать, не в силах бодрствовать, не в силах переносить жизнь, вернее, последовательность жизни. Часы идут вразнобой, внутренние мчатся вперед в дьявольском, или сатанинском, или, во всяком случае, нечеловеческом темпе, наружные, запинаясь, идут своим обычным ходом. Можно ли ожидать, чтобы эти два различных мира не разъединились, и они действительно разъединяются или по меньшей мере разрывают друг друга самым ужасающим образом. Стремительность хода внутренних часов может иметь различные причины, самая очевидная из них — самоанализ, который не дает отстояться ни одному представлению, гонит каждое из них наверх, чтобы потом уже его самого, как представление, гнал дальше новый самоанализ.

Во-вторых, исходная точка этой гонки — человечество. Одиночество, которое с давних времен частично мне навязали, частично я сам искал — но и искал разве не по принуждению? — это одиночество теперь непреложно и беспредельно. Куда оно ведет? Оно может привести к безумию — и это, кажется, наиболее вероятно, — об этом нельзя больше говорить, погоня проходит через меня и разрывает на части. Но я могу — могу ли? — пусть в самой малой степени и уцелеть, сделать так, чтобы погоня несла меня. Где

я тогда окажусь? «Погоня» – лишь образ, можно также сказать «атака на последнюю земную границу», причем атака снизу, со стороны людей, и, поскольку это тоже лишь образ, можно заменить его образом атаки сверху, на меня <...>.

(Текст печатается по изданию: Кафка Ф. Дневники / Ф. Кафка. – М.: АСТ Москва, Хранитель, Харвест, 2007. – 416 с.)

Контрольные вопросы и задания

1. В чем, на ваш взгляд, выражается экзистенциальный характер произведений Ф. Кафки?
2. Приведите наиболее яркие фрагменты из текста, в которых описывается личностный экзистенциальный опыт автора?
3. Подберите (или найдите в тексте) экзистенциалы (понятия) для характеристики образов, используемых Ф. Кафкой.
4. Попробуйте описать любое событие (фрагмент) вашей жизни в экзистенциальной манере.

Библиографический список

1. Батай, Ж. Литература и Зло : Сборник статей: Пер. с фр. / Ж. Батай. - М. : Изд-во МГУ, 1994. - 165 с.
2. Брод, М. Узник абсолюта / М. Брод, Франц Кафка. – М., 2003. – 247 с.
3. Давид, К. Франц Кафка / К. Давид. – Харьков, Фолио, 1998. – 290 с.
4. Бланшо, М. От Кафки к Кафке / М. Бланшо. – М., 1998. – 420 с.
5. Карельский, А. Лекция о творчестве Франца Кафки./ А. Карельский // Иностранная литература. – 1995. - №8. – С.102 – 109

ИРВИН ЯЛОМ (р. 1931)

– американский писатель, психолог, профессор психиатрии Стенфордского университета, один из создателей «третьей волны» в психотерапии и основателей школы экзистенциальной терапии. Родился в Вашингтоне в семье выходцев из России. В 2000 году награжден премией Оскара Пфистера за важный вклад в религию и психиатрию (американская психиатрическая ассоциация). В работе «Экзистенциальная психотерапия» И. Ялом описывает основные принципы и методы успешного психоанализа: индивидуализированный подход, работа «здесь и сейчас» и др. Одна из основных тем его трудов – преодоление экзистенциального страха смерти.

Экзистенциальная психотерапия

Экзистенциальная изоляция

Процесс глубочайшего исследования – процесс, который Хайдеггер называет «раскрытием», – приводит нас к признанию того, что мы конечны, мы должны умереть, мы свободны и мы не можем уйти от своей свободы. Мы узнаем также, что индивидуум неумолимо одинок.

(...) По моему опыту, клиницист имеет дело с тремя разными типами изоляции: межличностной, внутриличностной и экзистенциальной.

Межличностная изоляция, обычно переживаемая как одиночество, – это изоляция от других индивидуумов. Удовлетворяющему социальному взаимодействию могут препятствовать многие факторы: географическая изоляция, недостаток соответствующих социальных навыков, конфликтные чувства по отношению к близости, личностный стиль (например, шизоидный, нарциссический, использующий или критический). Важную роль в межличностной изоляции играют культуральные факторы. Упадок поддерживающих близость институций – большой семьи, стабильного соседского окружения, церкви, местной торговли, семейного врача – неуклонно приводит, по крайней мере в Соединенных Штатах, к нарастающему межличностному отчуждению.

Внутриличностная изоляция – это процесс, посредством которого человек отделяет друг от друга части самого себя. Фрейд использовал термин «изоляция», чтобы описать защитный механизм, особенно заметный при маниакальном неврозе, когда неприятный опыт отделяется от связанного с ним аффекта и его ассоциативные связи прерываются, так что он изолируется от обычных процессов мышления. Гарри Стэк Салливан особенно интересовался феноменом, посредством которого человек исключает опыт из сферы осознания и/или делает части психики недоступными для «я». Он называл этот процесс «диссоциацией» (отказавшись от термина «вытеснение») и придавал ему центральное значение в своей схеме психопатологии. В современной психотерапии понятие «изоляции» используется не только по отношению к формальным защитным механизмам, но и при случайном упоминании любой формы фрагментации «я». Таким образом, внутриличностная изоляция имеет место тогда, когда человек душит собственные чувства или стремления, принимает «нужно» и «следует» за собственными желаниями, не доверяет собственным суждениям или сам от себя блокирует собственный потенциал.

<...> Современные терапевты большое значение придают задаче помощи пациентам в реинтеграции некогда отщепленных частей собственного «я». В исследовательском проекте, который я описал в главе 6, успешным в терапии пациентам предложили выстроить по ранжиру шестьдесят факторов терапии в соответствии со степенью полезности для них. По сию пору единственным чаще выбираемым пунктом остается «открытие и принятие прежде неизвестных или не принимавшихся частей себя». Сделать себя снова целостным – цель многих психотерапевтических подходов (за исключением ориентированных на симптом). Например, Перлз назвал свой подход гештальттерапией, стремясь подчеркнуть стремление к решению задачи «целостности».

Что такое экзистенциальная изоляция?

Индивиды часто бывают изолированы от других или от частей себя, но в основе этих отъединенностей лежит еще более глубокая изоляция, связанная с самим существованием, – изоляция, которая сохраняется при самом удовлетворительном общении с другими индивидами, при великолепном знании себя и интегрированности. Экзистенциальная изоляция связана с пропастью между собой и другими, через которую нет мостов. Она также обозначает еще более фундаментальную изоляцию – отделенность между индивидом и миром. Выражение «сепарация от мира» не очень далеко от истины, но звучит несколько смутно. Одна из моих пациенток дала образное определение. Она испытывала периодические приступы паники, возникавшие тогда, когда ее отношения с доминантным другим оказывались под угрозой. Описывая свои переживания, она сказала мне. «Помните, в фильме «Вестсайдская история», когда встречаются двое влюбленных, все остальное в мире мистическим образом исчезает и они оказываются абсолютно одни в целом мире? Именно это и происходит со мной в такие моменты. За исключением того, что, кроме меня, нет больше никого».

У другого пациента был повторяющийся ночной кошмар, начавшийся в раннем детстве, а теперь, во взрослом возрасте, приведшим к жестокой бессоннице, к настоящей фобии сна. Этот пациент боялся ложиться спать. Необычность ночного кошмара заключалась в том, что видящему сон не причинялось никакого вреда. Вместо этого мир таял и исчезал, оставляя его лицом к лицу с ничем. Вот как он описал свое сновидение:

«Я просыпаюсь в своей комнате. Внезапно я начинаю замечать, что все меняется. Кажется, что оконная рама вытягивается, а потом идет волнами, книжные шкафы сжимаются, дверная ручка исчезает, а в двери появляется дыра, которая становится все больше и больше. Все теряет форму и начинает таять. Ничего больше нет, и я начинаю кричать».

Томаса Вулфа постоянно преследовало его необычайно острое сознание экзистенциальной изоляции. В автобиографических «Взгляде в сторону дома» и «Ангеле» главный герой размышляет об изоляции, даже будучи младенцем в колыбели.

«Бездонное одиночество и печаль пронизывали его: он видел свою жизнь в торжественной перспективе лесной просеки и знал, что всегда будет печальным, посаженный в клетку этого маленького круглого черепа, заключенная в это быющее и потайное сердце, его жизнь всегда должна идти одинокими дорогами. Потерянный, он понимал, что люди всегда были чужими друг другу, что никто никогда на самом деле не приближался к тому, чтобы знать кого-либо. Так, заключенные в темной утробе нашей матери, мы приходим в жизнь, не видя ее лица, так нас кладет ей на руки незнакомец, и так, пойманные в эту непреодолимую тюрьму бытия, мы никогда не убегаем из нее, неважно, какие руки могут обнимать нас, какой рот может целовать нас, какое сердце может согревать нас. Никогда, никогда, никогда, никогда, никогда».

Экзистенциальная изоляция – это долина одиночества, к которой много путей. Конфронтация со смертью и свободой неизбежно приведет индивида в эту долину.

Изоляция и отношения

<...> Никакие отношения не могут уничтожить изоляцию. Каждый из нас одинок в существовании. Однако одиночество можно разделить с другим таким образом, что любовь компенсирует боль изоляции. «Великие отношения, – говорит Бубер, пробивают брешь в барьерах возвышенного уединения, смягчают его суровый закон и перебрасывают мост от одного самостоятельного существа к другому самостоятельному существу через пропасть страха вселенной».

Я считаю, что если мы сможем признать ситуацию своей изолированности в жизни и стойко встретить ее, мы сумеем с любовью

обратиться к другим. Если же, напротив, нас захлестнет ужас перед бездной одиночества, мы не станем близки с другими, а вместо этого будем бить по ним лишь ради того, чтобы не утонуть в море существования. В этом случае наши отношения вообще не будут истинными отношениями, но лишь расстройствами, неудачами, искажениями того, что могло бы быть. Мы не сможем относиться к другим, полностью воспринимая их как самих себя, как чувствующие существа, тоже одинокие, тоже испуганные, тоже создающие мир домашности из теста вещей. Мы станем вести себя по отношению к другим существам как к инструментам, средствам. Другой, уже не «другой», а «оно», помещается нами там, внутри нашего собственного мира, чтобы выполнять *функцию*. Эта функция прежде всего, конечно, является *отрицанием изоляции*, но ее осознание слишком близко привело бы нас к нашему тайному ужасу. Требуется прятать все больше, возникают метафункции, и мы строим отношения, которые обеспечивают продукт (например, власть, слияние, величие или восхищение), а он в свою очередь служит отрицанию изоляции.

Любовь, свободная от того, чтобы нуждаться в другом

Лучший вариант – наличие отношений без нужды друг в друге. Но как можно любить другого ради другого, а не за то, что другой дает любимому? Как мы можем любить, не используя, без *quid pro quo* (лат. – одно вместо другого), без груза слепого увлечения, вожделения, восхищения или служения себе? <...>

1. Заботиться о другом означает относиться бескорыстно – отрешиться от сознательного внимания к себе; быть в отношениях с другим без контроля мысли: «Что он думает обо мне?» или «Что в этом для меня?» Не искать похвалы, восхищения, сексуальной разрядки, власти, денег. В текущий момент быть только в отношениях с другим человеком: не должно быть третьей стороны, реальной или воображаемой,

наблюдающей за встречаей. Иными словами, жить в отношениях всем своим существом: если частично мы находимся где-то – например, исследуя воздействие, которое отношения окажут на какое-то третье лицо, – то именно до этой степени мы потерпели неудачу в отношениях.

2. Заботиться о другом значит со всей возможной полнотой знать другого и сопереживать ему. Если человек бескорыстен в отношениях, он обладает свободой, позволяющей воспринимать все аспекты другого, а не только тот аспект, который служит какой-то утилитарной цели. Человек расширяет себя до другого, признавая другого чувствующим существом, которое также строит мир вокруг себя.

3. Заботиться о другом значит заботиться о сущности и росте другого. При полном знании, собранном из подлинного слушания, человек прилагает усилия, чтобы помочь другому стать полностью живым в момент встречи.

4. Забота активна. Зрелая любовь любит, а не любима. Мы любяще отдаем, а не «влекомы» к другому.

5. Забота – это способ человека быть в мире; это отнюдь не исключительная, непостижимая магическая связь с одним определенным лицом.

6. Зрелая забота вытекает из богатства человека, а не из его бедности – из роста, а не из потребности. Человек любит не потому, что нуждается в другом, не для того, чтобы существовать, быть целостным, спастись от подавляющего одиночества. Тот, кто любит зрело, удовлетворяет эти потребности в другое время, другими способами, одним из которых была материнская любовь, изливавшаяся на человека в ранних фазах его жизни. Следовательно, прошлая любовь – источник силы, нынешняя любовь – результат силы.

7. Забота взаимна. Поскольку человек по-настоящему «поворачивается к другому», он меняется. Поскольку человек приводит другого к жизни, он также становится в более полной мере живым.

8. Зрелая забота не остается без награды. Человек изменен, человек обогащен, человек осуществлен, экзистенциальное одиночество человека смягчено. Через заботу человек получает заботу. Но награда вытекает из подлинной заботы, она не подстрекает заботу. Позаимствуем удачную игру слов у Фромма – награда следует, но ее нельзя преследовать.

(Текст печатается по изданию: Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом; Пер. Т.С. Драбкиной. – М.: Класс, 1999. — 576 с.)

Контрольные вопросы и задания

1. Что такое изоляция вообще? Что такое межличностная и внутриличностная изоляция? Что есть целостность?
2. Что есть экзистенциальная изоляция по И. Ялому, как она относится с двумя предыдущими типами изоляции?
3. Какую роль изоляция и ее преодоление играет в построении отношений?
4. В чем особенность экзистенциальной психотерапии, какова ее связь с философией?
5. Напишите небольшое эссе на тему: «Что такое истинная забота и любовь».
6. Выпишите характерные черты трех типов изоляций, подберите к ним примеры из истории, литературы, музыки, живописи и т.п.

Библиографический список

1. Лэнгле, А. Жизнь, наполненная смыслом. Прикладная логотерапия / А. Лэнгле; Пер. с нем. – М.: Генезис, 2004. – 128 с.
2. Мэй, Р. Экзистенциальная психология / Р. Мэй; Пер. с англ. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2005. – 160 с.
3. Франкл, В. Э. В поисках смысла. Сборник / В.Э. Франкл; Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

Задания для самопроверки к разделу III

1. «Умереть», согласно Ф. Кафке, – значит ...
2. «Одиночество» у Ф. Кафки это:
безумие;
беспредельность;
лишь образ.
3. Какое понятие использует И. Ялом в работе «Экзистенциальная психотерапия», чтобы описать несколько уровней одиночества?
4. Что, согласно И. Ялому, способно преодолеть экзистенциальное одиночество человека?

ЛЕВ ШЕСТОВ **(1886 – 1938)**

– русский философ и писатель. С 1895 года преимущественно жил за границей (в Швейцарии и Франции). В своей философии, насыщенной парадоксами и афоризмами, Л. Шестов восставал против диктата разума и гнета общеобязательных нравственных норм над суверенной личностью. Традиционной философии он противопоставил «философию трагедии» (в центре которой — абсурдность человеческого существования), а философскому умозрению — откровение, которое даруется Богом. Л. Шестов предвосхитил основные идеи экзистенциализма. «Апофеоз беспочвенности» (1905) является одной из основных работ философа, в которой проводится ревизия духовных идеалов человечества.

Апофеоз беспочвенности

33

Возможности, открывающиеся человеку в жизни, сравнительно очень ограничены. Нельзя всего увидеть, нельзя все понять, нельзя ни подняться слишком высоко над землей, ни проникнуть в ее глубину. Что было - навсегда скрыто, что будет - мы не умеем предугадать и наверное знаем, что у нас никогда не вырастут крылья. Закономерность, неизменная закономерность явлений полагает предел нашим стремлениям, загоняет нас на узкий, избитый путь обыденности. Но даже и этот путь не дано нам исходить вдоль и поперек. Мы должны зорко глядеть себе под ноги и на каждом шагу останавливаться, ибо малейшая неосторожность в жизни грозит нам гибелью. Но ведь мыслима и иная жизнь. Жизнь, в которой слово "гибель" не существует, где ответственность за поступки если и не отменена совсем, то не имеет столь рокового и случайного характера, как у нас, и где, с другой стороны, нет "закономерности", а стало быть, есть бесконечное количество возможностей. Там чувство страха - позорнейшее

чувство - исчезает. Там, стало быть, и добродетели совсем не те, что здесь. Бесстрашие пред опасностью и щедрость, даже расточительность и у нас почитаются добродетелями, но почитаются без всяких оснований. Сократ был совершенно прав, когда доказывал, что не всякая храбрость, а только храбрость, измеряющая вперед опасность и шансы победы, имеет свое оправдание. В такой же мере правы и те экономные, расчетливые люди, которые осуждают расточительность. Бесстрашие и расточительность не к лицу смертным, которым прилично, ввиду их бессилия и бедности, всегда трепетать и считать каждый свой грош. Оттого-то эти две добродетели так редко встречаются между людьми, и в тех случаях, когда встречаются, вызывают в толпе суеверное благоговение к их носителям. "Этот человек ничего не боится и ничего не жалеет: он, верно, не человек, а полубог, даже, быть может, бог". Сократ не верил в богов и потому хотел оправдать расчетом добродетель. Кант тоже не верил в Бога и потому выводил свою мораль из "закона". Но если есть Бог, если все люди - дети Бога, то, значит, можно ничего не бояться и ничего не жалеть.

Тогда безумно расточающий свою и чужие жизни и благосостояние, даже свое дарование, свой гений человек правее расчетливых философов, тщетно ищущих устроения человечества на земле.

51

Так называемые последние вопросы в такой же мере волновали человечество в самом начале сотворения мира, как и в наше время. Уже Адам и Ева хотели "знать" и, рискуя навлечь на себя гнев всемогущего Творца, сорвали плод с дерева познания добра и зла. Каин, жертва которого была негодна Богу, поднял руку на родного брата - ему казалось, что он совершил убийство во имя справедливости для восстановления погрязших прав своих. Со времени Каина ни один человек не мог понять, отчего Творец мира благосклоннее принимает жертву его

брата, чем его собственную, и в наши дни Сальери повторяет расправу Каина и отравляет своего брата и благодетеля, Моцарта: "Все говорят - нет правды на земле; но правды нет и выше: для меня так это ясно, как простая гамма". Нет ни одного человека на земле, который бы в этих простых и глубоких словах не узнал собственных мучительнейших сомнений. Отсюда вытекает трагическое творчество, - загадочным образом до сих пор почитаемое всеми высшим родом творчества. Все разгадывается и объясняется. Если сравнить наши знания с знаниями древних, мы окажемся великими мудрецами. Но к загадке о вечной справедливости мы так же мало подошли, как и первый человек, как и убийца Каин. Прогресс, цивилизация, все завоевания человеческого ума в эту область не принесли ничего нового. Как наши праотцы, так и мы с испугом и недоумением останавливаемся при виде уродства, болезни, безумия, нищеты, старости, смерти. Все, что могли сделать до сих пор мудрецы, - это обратить земные ужасы в проблему: может быть, говорят нам, все страшное есть только страшное на вид, и в конце тяжелого пути нас ждет нечто новое. Может быть! Но современный образованный человек, имеющий доступ к мудрости 40 веков исторической жизни человечества, знает об этом не больше, чем древний певец, за свой страх решавший мировые проблемы. Мы, дети угасающей цивилизации, мы, старики от рождения, в этом смысле так же молоды, как и первый человек.

Страх смерти объясняется исключительно чувством самосохранения. Но тогда он должен был бы исчезать у стариков и больных, которым было бы свойственно встречать смерть равнодушно. Между тем, ужас пред смертью свойствен всем живым существам. Не значит ли это, что ужас имеет еще какой-нибудь смысл? И что там, где он не может оберечь живое существо от грозящей гибели, он все же нужен и целесообразен? И что

естественнонаучная точка зрения и на этот раз, как почти всегда, останавливается на полпути, не доведя до того конца, к которому она обещала привести человеческий ум?

Моральное негодование есть лишь более утонченная форма древней мести. Когда-то гнев разговаривал кинжалами, теперь достаточно слов. И счастлив тот, кто хочет и любит казнить своего обидчика, для кого отмщенная обида перестает быть обидой. Оттого мораль, пришедшая на смену кровавой расправе, еще не скоро потеряет свою привлекательность. Но ведь есть обиды, и глубокие, незабываемые обиды, наносимые не людьми, а "законами природы". Как с ними справиться? Тут ни кинжал, ни негодующее слово ничего не поделают. И для того, кто столкнулся с законами природы, мораль временно или навсегда уходит на второй план.

Смерть и метафизика. Даже поверхностный наблюдатель легко может подметить, что лучшее в жизни очень трудно достижимо. Некоторые психологи даже думают, что главная прелесть лучшего в его трудной достижимости. Это утверждение, по-видимому, неверно, но во всяком случае в нем есть доля истины: пути к хорошему опасны. Потому ли это происходит, что природа гораздо беднее, чем мы привыкли думать, и не может в достаточной мере напасти "благ" для алчущего и жаждущего человечества, или тут замешаны какие-нибудь высшие соображения, которые мы в своей ограниченности не умеем отгадать - но факт тот, что чем заманчивей какая-нибудь цель, тем рискованней и страшней путь к ней. Нельзя ли сделать, в виде предположения, по крайней мере, и обратного заключения, то есть, что за всякой опасностью кроется благо и

что, следовательно, опасность служит показанием, а не противопоказанием, как нас учит повседневный опыт? И - заключать, так заключать - величайшая из опасностей, т. е. смерть, должна быть потому наиболее многообещающей! Тут можно и остановиться и не спекулировать на дальнейшие выводы. Я нахожу, что даже должно остановиться, чтобы не спорить с традиционной метафизикой. Как известно, метафизика всегда умела осветить отблеском вечности наше временное существование. Последуем и мы ее примеру, т. е. не будем делать попыток познания абсолюта. Нашли утешительное предположение, хотя бы в области трансцендентного - волоките его скорей на землю, где трудящиеся и обремененные ждут не дождутся хоть воображаемого облегчения своей участи. Нужно уметь все, даже смерть, использовать для целей нашей жизни.

40

Общие правила. Люди обращаются к философам за общими принципами. И так как философы тоже люди и сообразуют свое производство с потребностями рынка, то они большей частью и занимаются изготовлением общих правил. Меж тем является вопрос: какой толк в общих правилах? Почти одновременно с вопросом приходит и ответ: никакого. Природа повелительно требует от каждого из нас индивидуального творчества. Люди не хотят этого понять и все ждут от философии последних истин, которых не было, нет и никогда не будет. Истин столько, сколько людей на свете. Да почему бы в самом деле каждому взрослому человеку не быть творцом, не жить за свой страх и не иметь собственного опыта? Детей, подростков, даже юношей можно водить на помочах, учить. Но совершеннолетних, ищущих указки, следует всячески клеймить и порицать. В них говорит лень и трусость. Они боятся попробовать и потому вечно ходят за советами к мудрецам. Мудрецы же

без колебания берут на себя ответственность за жизнь других. Они выдумывают общие правила, как будто бы им в самом деле доступны источники познания, закрытые для обыкновенных смертных. Пустое! Мудрецы не больше знают, чем глупые - у них только больше храбрости и самоуверенности. Всякий умный человек от всей души смеется над "книжными" взглядами. А ведь книги - от мудрецов. И они действительно часто бывают чрезвычайно интересны - но именно постольку, поскольку они не заключают в себе общих правил. Горе тому, кто вздумал бы строить свою жизнь по Шопенгауэру, Гегелю, Толстому, Шиллеру или Достоевскому! Их можно и даже должно читать - но жить надо своим умом. Это особенно хорошо знают те, которые делали соответствующие опыты - т. е. пробовали устраиваться сообразно той или иной вычитанной теории. Влучшем случае получалась пошлость. Значит выхода нет! Хочет человек или не хочет, рано или поздно придется ему признать непригодность всякого рода шаблонов и начать творить самому. И разве, après tout (в конце концов) это уже так ужасно? Нет общеобязательных суждений - обойдемся необщеобязательными. От этого пострадают только одни учителя...

(Текст печатается по изданию: Шестов Л. Философия трагедии / Л. Шестов. – Харьков.: Фолио, 2001. – с 319-476.)

Контрольные вопросы и задания

1. В чем необычность изложения философской проблематики Л. Шестовым?
2. С помощью каких средств Л. Шестов раскрывает такие экзистенциалы как «жизнь», «смерть», «мораль», «знание»?

3. Предложите собственный вариант экспликации следующих экзистенциалов: «мораль» и «смерть».
4. Сравните позиции Л. Шестова и Г. Марселя в их оценке деятельности и значения философа (мудреца) в обществе.

Библиографический список

1. Зеньковский В.В.. История русской философии. В 2 т. – М.: Аст, 1999. – 542 с. Т.1 – 542 с.
2. Лосский Н.О. История русской философии. – М.: Академический Проект, 2007. – 551 с.
3. Шестов Л. POTESTAS CLAVIUM (Власть ключей). – М.: Аст, 2007. – 351 с.
4. Шестов Л. Философия трагедии. – Харьков.: Фолио, 2001. – 480 с.

ВИКТОР НЕСМЕЛОВ

(1863 – 1937)

– русский философ и богослов. Профессор по кафедре философии и логики Казанской духовной академии, в которой преподавал вплоть до ее закрытия в 1919 году.

В. Несмелов выстраивает своеобразную богословско-философскую систему, которую можно отнести к категории экзистенциалистских. Исходным пунктом концепции В. Несмелова является идея о самопознании человека, который открывает в себе духовную реальность, несводимую к физическому бытию. В работе «Вопрос о смысле жизни в учении новозаветного откровения» развивается мысль философа о посредстве религиозного сознания в выявлении одной из главных антропологических проблем — проблемы поиска смысла жизни.

Вопрос о смысле жизни в учении новозаветного откровения

<...> Человек не только живет, но и дает себе отчет в своей жизни, и потому именно, что он дает себе отчет в своей жизни, он может жить не как ему придется, а как ему хочется. Из собственных размышлений над фактами он создает себе живое представление блага жизни и с точки зрения этого представления оценивает свое действительное положение в мире и определяет себя к творческой деятельности. Насколько именно действительность не совпадает с его представлением о благе жизни, он не удовлетворяется ею и стремится изменить и приспособить ее к удовлетворению своих потребностей. В этих стремлениях своих он постепенно создал для себя богатую культуру всяких полезных растений, постепенно приручил и заставил служить себе разных диких животных, изобрел ремесла, открыл разные виды промышленности и таким образом поставил свою жизнь и свое благосостояние вне всякой зависимости от случайных щедрот природы.

<...> В грандиозном развитии этих самых процессов культуры и цивилизации человек постепенно преобразовал весь земной мир и сделался наконец царем его. Но гордое владычество над миром не дало ему даже и капли того счастья, в содержании которого действительность совпала бы с мечтой человека и в мятежную душу его возвратился бы утерянный рай. Для достижения своего счастья в течение многовековой истории своей он потратил безмерную массу труда и пролил целое море крови и слез, а между тем резкое противоречие между злом действительной жизни и благом желанной не только не изгладилось в нем, но и каждым шагом в его развитии раскрывается все шире и шире. Золотой век людей оказывается всегда позади и не в каком-нибудь далеком тумане седой старины, а даже совсем недалеко. Для каждого поколения людей золотым веком всегда почти оказывается время их дедов и прадедов, так что в сознании каждого поколения людей количество страданий несомненно увеличивается и, следовательно, — подвигаясь постепенно вперед в развитии культуры и цивилизации, люди на самом деле чувствуют себя не счастливее, а наоборот — несчастнее своих предков. Следовательно, содержание человеческой жизни в действительности никогда не соответствует тому принципу, во имя которого это содержание создается людьми, т.е. принципу блага жизни, и это постоянное несоответствие постоянно заставляло людей обращаться к точнейшему определению самого принципа: в чем именно следует полагать благо жизни и где следует искать это благо?

Практическим решением этого вопроса непосредственно является жизнь каждого отдельного человека, потому что каждый человек всегда и непременно стремится достигнуть в своей жизни наивысшей степени доступного ему счастья, и потому каждый человек непременно живет если уж не прямо обольщением какого-нибудь счастья, то по крайней мере хоть мечтой о счастье и надеждой на него. Теоретическим решением этого

вопроса всегда занималась философия, и она еще в давние времена выработала три различных решения его. По одному решению благо жизни заключается в удовольствии, по другому – в достижении личной и общественной пользы и по третьему – в добродетели. Первое из этих решений следует признать основным, второе же и третье – дополнительными, потому что польза и добродетель всегда могут рассматриваться как наилучшие средства к достижению удовольствия. Но дополняя основное решение проблемы блага, второй и третий ответы, очевидно, дополняют его только со стороны его определенности, потому что к содержанию его они не только ничего не прибавляют, а напротив – значительно его ограничивают. Второй именно ответ говорит, что не всякое удовольствие есть благо, а только полезное удовольствие, третий же ответ идет в этом отношении еще дальше, потому что он говорит: не всякое полезное удовольствие есть благо, а только нравственно-полезное удовольствие.

Следовательно, второй и третий ответы говорят собственно не о том, в чем следует полагать благо жизни, а только о том, на каком пути нужно искать это благо. Поэтому они представляют из себя ясные критерии для определения ценности удовольствий как блага жизни, но так как пути достижения этого блага ими указываются различные, то и ценность удовольствий они определяют неодинаково. Принцип утилитаризма полагает благо вне человека – в материальных продуктах человеческой деятельности и в социальных условиях жизни, охраняющих и повышающих степень производительности культурного труда. Принцип идеализма указывает благо в самом человеке – в сознании человеком своей собственной ценности и в развитии этой ценности путем бесконечного усовершенствования. Принцип утилитаризма, очевидно, обеспечивает собою благополучие жизни и потому он нуждается не в оправдании, а только в разъяснении. Принцип же идеализма, напротив, как

утверждающий ничтожество всякого блага в мире и самого мира, не только не обеспечивает собою благополучия жизни, но и прямо осуждает человека на многие скорби, и потому он нуждается не только в разъяснении, но и в оправдании. В интересах этого именно оправдания себя идеализм и ставит вопрос: во имя чего собственно человеку следует жить на земле – ради ли достижения удовольствий путем страданий или ради достижения другой какой-нибудь цели? Из решения этого самого вопроса и развивается новый принцип жизни, помимо принципа блага. Из решения этого именно вопроса развивается вопрос о смысле жизни, и принцип блага жизни хотя и не уступает своего места, однако уже теряет свое верховное положение и подчиняется другому принципу – принципу разума жизни, с точки зрения которого и определяется содержание блага.

<...> Высочайшая свобода человека и христианское самоотвержение это – одно и то же. Но так как самоотвержение в христианстве делается человеком только в силу представления его о себе как о носителе и выразителе в мире Божия образа и подобия, то свобода и употребляется человеком на раскрытие в себе этого образа и подобия, т.е. на осуществление в жизни конечного идеала человечности. А так как идеал этот в христианстве представляется не продуктом человеческого творчества, а живой идеей Божественного разума и вечным определением Божественной воли, то в нем и предъявляется человеку не одна только наилучшая форма жизни, а подлинная основа и цель человеческой жизни, т.е. открывается человеку истинный смысл его жизни, в разумении которого, собственно, и заключается основной мотив к изменению и обновлению эмпирической природы человека в идеальную. Если бы не было этого смысла жизни, если бы человек жил и надеялся жить только в пределах наличного мира, то он и не мог бы отвергнуться мира по решительному бессмыслию такого отвержения, а напротив – он непременно стал бы стремиться достигнуть в мире наивысшей степени

доступного ему счастья. Если же он очутился бы в мире страданий и дошел бы наконец до такого убеждения, что кроме страданий ему и ожидать в жизни нечего, то он мог бы, конечно, отвергнуться мира, но только это отвержение оказалось бы в нем или погашением или даже отрицанием в себе воли к жизни. Самоотвержение и новотворение жизни возможны только под условием представления другого мира, в свете которого человек себя самого постигает как цель для себя; потому что в этом только случае для него открывается разумная цель жизни и создается мощный мотив для осуществления этой цели. Светлый образ этого мира христианство и рисует человеку в идеале царства Божия – и внутри самого человека, потому что идеал этот есть цель человеческой жизни, и вне человека, потому что в идеале этом открывается основа жизни и в ней объясняется смысл человеческой жизни.

Человек может, конечно, жить в мире по каким угодно соображениям или даже без всяких соображений – потому только, что он явился на свет, но это недостойно его разума и свободы. Если он живет на свете по одному только случаю своего рождения, то он и человеком может называться в одной только зоологии по зоологическим признакам. Человек должен жить не потому, что его мать на свет родила, а потому, что он имеет особое назначение в мире. Но это назначение может определяться различно, и различные определения его придают человеку различную ценность. Кто видит свое назначение только в осуществлении общего блага людей, тот несомненно имеет очень высокую ценность, но только ценность эта есть чисто торговая ценность вещи, за которую кем-нибудь, хотя бы даже и целым человечеством, покупается себе некоторое благо жизни. Кто видит свое назначение в развитии себя самого по идеалу человечности, тот имеет несомненную ценность в себе самом, но только ценность эта может быть ценностью простого самооболащания, если только она вместе с человеком погибает во мраке могилы. Кто видит свое

назначение в бесконечном осуществлении вечной для него цели, тот может иметь и вечную ценность по содержанию той цели, какая осуществляется им. Но только – где же найти эту вечную цель в пределах времени, и как можно бесконечно осуществлять ее в конечной жизни? Подумай об этом, человек, и если только серьезно ты будешь думать об этом, ты будешь на пути к христианству.

(Текст печатается по изданию: Несмелов В. Вопрос о смысле жизни в учении новозаветного откровения / В. Несмелов. – Казань.: «Православный собеседник», 1895, июнь—июль. С. 123—159.)

Контрольные вопросы и задания

1. В чем заключается главная идея религиозного (христианского) экзистенциализма?
2. Как вы поняли, в чем состоит христианский смысл свободы?
3. Какое различие проводит В. Несмелов между принципами утилитаризма и идеализма? Почему?
4. Сравните атеистическую и религиозную экзистенциальные позиции с помощью таких категорий, как «человек», «свобода», «счастье», «жизнь», «смерть».

Библиографический список

1. Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. – М.: Директ-Медиа, 2008. - 579 с.
2. Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Издательства: ЭКСМО-Пресс, Фолио; 2001. – 222 с.
3. В.Несмелов. Наука о человеке. Т.І. Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни//Русская религиозная

антропология. Антология. Под ред. Н.К. Гаврюшина. Т.І. – М., 1997–
С. 353-354.

4. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. – Киев.: «Путь к истине», 1991. – 600 с.

ИОСИФ БРОДСКИЙ (1940 – 1996)

- русский поэт, эссеист, драматург, переводчик. В 1972 году эмигрировал в США. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1987 года, кавалер ордена Почетного легиона (1987), обладатель Оксфордской премии Honorí Causa; писал также на английском языке. «Похвала скуке» открывает нам парадоксальную модель мироощущения поэта, сочетающая и мужество существования, и ужас, и восторг, и гордость, и смирение.

Похвала скуке

(речь перед выпускниками Дартмутского колледжа в июне 1989 года)

Значительная часть того, что вам предстоит, будет востребована скукой. Причина, по которой я хотел бы поговорить с вами об этом в столь торжественный день, состоит в том, что, как я полагаю, ни один гуманитарный колледж не готовит вас к такой будущности; и Дармут не является исключением. Ни точные науки, ни гуманитарные не предлагают вам курсов скуки. В лучшем случае они могут вас познакомить со скукой, нагоняя её. Но что такое случайное соприкосновение по сравнению с неизлечимой болезнью? Наихудший монотонный бубнеж, исходящий с кафедры, или смежающий веки велеречивый учебник — ничто по сравнению с психологической Сахарой, которая начинается прямо в вашей спальне и теснит горизонт.

Известная под несколькими псевдонимами — тоска, томление, безразличие, хандра, сплин, тягомотина, апатия, подавленность, вялость, сонливость, опустошённость, уныние и т.д., скука — сложное явление и, в общем и целом, продукт повторения. В таком случае, казалось бы, лучшим лекарством от нее должны быть постоянная изобретательность и оригинальность. То есть на что вы, юные и дерзкие, и рассчитывали.

Увы, жизнь не даст вам такой возможности, ибо главное в жизненной механике — как раз повторение.

Можно, конечно, возразить, что постоянное стремление к оригинальности и изобретательности есть двигатель прогресса и тем самым цивилизации. Однако — в чем и состоит преимущество ретроспективного взгляда — двигатель этот не самый ценный. Ибо, если мы поделим историю нашего вида в соответствии с научными открытиями, не говоря уже об этических концепциях, результат будет безрадостный. Мы получим, выражаясь конкретнее, века скуки. Само понятие оригинальности или новшества выдаёт монотонность стандартной реальности, жизни, чей главный стих — нет, стиль — есть скука.

Этим она — жизнь — отличается от искусства, злейший враг которого, как вы, вероятно, знаете, — клише. Поэтому неудивительно, что и искусство не может научить вас справляться со скукой. На эту тему написано несколько романов; ещё меньше живописных полотен; что касается музыки, она главным образом несемантична. Единственный способ сделать искусство убежищем от скуки, от этого экзистенциального эквивалента клише, — самим стать художниками. Хотя, учитывая вашу многочисленность, эта перспектива столь же незаманлива, сколь и маловероятна.

<...> Сколь бы желательно это ни было, большинство из вас знает по собственному опыту, что никто так не томим скукой, как богачи, ибо деньги покупают время, а время имеет свойство повторяться. Допуская, что вы не стремитесь к бедности — иначе вы бы не поступили в колледж, — можно ожидать, что скука вас настигнет, как только первые орудия самоудовлетворения станут вам доступны.

Благодаря современной технике эти орудия так же многочисленны, как и синонимы скуки. Ввиду их назначения — помочь вам позабыть об избыточности времени — их изобилие красноречиво. Столь же

красноречивым является использование вашей покупательной способности, к вершинам которой вы зашагаете отсюда под щёлканье и жужжание некоторых из этих инструментов, которые крепко держат в руках ваши родители и родственники. Это пророческая сцена, леди и джентльмены 1989 года выпуска, ибо вы вступаете в мир, где запись события умаляет само событие — в мир видео, стерео, дистанционного управления, тренировочных костюмов и тренажеров, поддерживающих вас в форме, чтобы снова прожить ваше собственное или чье-то ещё прошлое: консервированного восторга, требующего живой плоти.

Все, что обнаруживает регулярность, чревато скукой. В значительной степени это относится и к деньгам — как к самим банкнотам, так и к обладанию ими. Разумеется, я не собираюсь объявлять бедность спасением от скуки — хотя Св. Франциску, по-видимому, удалось именно это. Но несмотря на всю окружающую вас нужду, идея создания новых монашеских орденов не кажется особенно увлекательной в нашу эпоху видеохристианства. К тому же, юные и дерзкие, вы больше жаждете делать добро в той или иной Южной Африке, чем по соседству, и охотнее откажетесь от любимого лимонада, чем вступите в нищий квартал. Поэтому никто не рекомендует вам бедность. Все, что вам можно предложить, — быть осторожнее с деньгами, ибо нули в ваших счетах могут превратиться в ваш духовный эквивалент.

Что касается бедности, скука — самая жестокая часть её несчастий, и бегство от нее принимает более радикальные формы: бурного восстания или наркомании. Обе временные, ибо несчастье бедности бесконечно; обе вследствие этой бесконечности дорогостоящи. Вообще, человек, всаживающий героин себе в вену, делает это главным образом по той же причине, по которой вы покупаете видео: чтобы увернуться от избыточности времени. Разница, однако, в том, что он тратит больше, чем получает, и его средства спасения становятся такими же избыточными,

как то, от чего он спасается, быстрее, чем ваши. В целом, тактильная разница между иглой шприца и кнопкой стерео приблизительно соответствует различию между остротой и тупостью влияния времени на неимущих и имущих. Короче говоря, будь вы богаты или бедны, рано или поздно вы пострадаете от избыточности времени.

Потенциально имущие, вам наскучит ваша работа, ваши друзья, ваши супруги, ваши возлюбленные, вид из вашего окна, мебель или обои в вашей комнате, ваши мысли, вы сами. Соответственно, вы попытаетесь найти пути спасения. Кроме приносящих удовлетворение вышеупомянутых игрушек, вы сможете приняться менять места работы, жительства, знакомых, страну, климат; вы можете предаться промискуитету, алкоголю, путешествиям, урокам кулинарии, наркотикам, психоанализу.

Впрочем, вы можете заняться всем этим одновременно; и на время это может помочь. До того дня, разумеется, когда вы проснетесь в своей спальне среди новой семьи и других обоев, в другом государстве и климате, с кучей счетов от вашего турагента и психоаналитика, но с тем же несвежим чувством по отношению к свету дня, льющемуся через окно. Вы натягиваете ваши кроссовки и обнаруживаете, что у них нет шнурков, за которые бы вы выдернули себя из того, что вновь приняло столь знакомый облик. В зависимости от вашего темперамента или возраста вы либо запаникуете, либо смиритесь с привычностью этого ощущения; либо вы ещё раз пройдёте через мороку перемен.

Невроз и депрессия войдут в ваш лексикон; таблетки — в вашу аптечку. В сущности, нет ничего плохого в том, чтобы превратить жизнь в постоянный поиск альтернатив, чехарду работ, супругов, окружений и т. д., при условии, что вы можете себе позволить алименты и путаницу в воспоминаниях. Это положение, в сущности, было достаточно воспето на экране и в романтической поэзии. Загвоздка, однако, в том, что вскоре

этот поиск превращается в основное занятие, и ваша потребность в альтернативе становится равна ежедневной дозе наркомана.

Однако, из этого существует ещё один выход. Не лучший, возможно, с вашей точки зрения, и не обязательно безопасный, но прямой и недорогой. Те из вас, кто читал «Слугу слуг» Роберта Фроста, помнят его строчку: «Лучший выход — всегда насквозь». И то, что я собираюсь предложить — вариация на эту тему.

Когда вас одолевает скука, предайтесь ей. Пусть она вас задавит; погрузитесь, достаньте до дна. Вообще, с неприятностями правило таково: чем скорее вы коснетесь дна, тем быстрее выплывете на поверхность. Идея здесь, пользуясь словами другого великого англоязычного поэта, заключается в том, чтобы взглянуть в лицо худшему. Причина, по которой скука заслуживает такого пристального внимания, в том, что она представляет чистое, неразведенное время во всем его повторяющемся, избыточном, монотонном великолепии.

Скука — это, так сказать, ваше окно на время, на те его свойства, которые мы склонны игнорировать до такой степени, что это уже грозит душевному равновесию. Короче говоря, это ваше окно на бесконечность времени, то есть на вашу незначительность в нем. Возможно, этим объясняется боязнь одиноких, оцепенелых вечеров, очарованность, с которой мы иногда наблюдаем пылинку, кружащуюся в солнечном луче, — и где-то тикают часы, стоит жара, и сила воли на нуле.

Раз уж это окно открылось, не пытайтесь его захлопнуть; напротив, широко распахните его. Ибо скука говорит на языке времени, и ей предстоит преподать вам наиболее ценный урок в вашей жизни — урок, которого вы не получили здесь, на этих зелёных лужайках — урок вашей крайней незначительности. Он ценен для вас, а также для тех, с кем вы будете общаться. «Ты конечен», — говорит вам время голосом скуки, — «и что ты ни делаешь, с моей точки зрения, тщетно». Это,

конечно, не прозвучит музыкой для вашего слуха; однако, ощущение тщетности, ограниченной значимости ваших даже самых высоких, самых пылких действий лучше, чем иллюзия их плодотворности и сопутствующее этому самомнение.

Ибо скука — вторжение времени в нашу систему ценностей. Она помещает ваше существование в его — существования — перспективу, конечный результат которой — точность и смирение. Первая, следует заметить, порождает второе. Чем больше вы узнаете о собственной величине, тем смиреннее вы становитесь и сочувственней к себе подобным, к той пылинке, что кружится в луче солнца или уже неподвижно лежит на вашем столе. Ах, сколько жизней ушло в эти пылинки! Не с вашей точки зрения, но с их. Вы для них то же, что время для нас; поэтому они выглядят столь малыми.

«Помни меня», —
шепчет пыль.

Ничто не могло бы быть дальше от душевного распорядка любого из вас, юные и дерзкие, чем настроение, выраженное в этом двустишии немецкого поэта Питера Хухеля, ныне покойного.

Я процитировал его не потому, что хотел заронить в вас влечение к вещам малым — семенам и растениям, песчинкам или москитам — малым, но многочисленным. Я привел эти строчки, потому что они мне нравятся, потому что я узнаю в них себя и, коли на то пошло, любой живой организм, который будет стёрт с наличествующей поверхности. «Помни меня», — говорит пыль. И слышится здесь намёк на то, что, если мы узнаем о самих себе от времени, вероятно, время, в свою очередь, может узнать что-то от нас. Что бы это могло быть? Уступая ему по значимости, мы превосходим его в чуткости.

Что означает — быть незначительным. Если требуется парализующая волю скука, чтобы внушить это, тогда да здравствует скука.

Вы незначительны, потому что вы конечны. Однако, чем вещь конечней, тем больше она заряжена жизнью, эмоциями, радостью, страхами, состраданием. Ибо бесконечность не особенно оживлена, не особенно эмоциональна. Ваша скука, по крайней мере, говорит об этом. Поскольку ваша скука есть скука бесконечности.

Уважайте, в таком случае, её происхождение — и, по возможности, не меньше, чем своё собственное. Поскольку именно предчувствие этой бездушной бесконечности объясняет интенсивность человеческих чувств, часто приводящих к зачатию новой жизни. Это не значит, что вас зачали от скуки или что конечное порождает конечное (хотя и то и другое может звучать правдоподобно). Это скорее наводит на мысль, что страсть есть привилегия незначительного.

Поэтому старайтесь оставаться страстными, оставьте хладнокровие созвездиям. Страсть, прежде всего, — лекарство от скуки. И ещё, конечно, боль — физическая больше, чем душевная, обычная спутница страсти; хотя я не желаю вам ни той, ни другой. Однако, когда вам больно, вы знаете, что, по крайней мере, не были обмануты (своим телом или своей душой). Кроме того, что хорошо в скуке, тоске и чувстве бессмысленности вашего собственного или всех остальных существований — что это не обман.

<...> Если вы находите все это мрачным, вы не знаете, что такое мрак. Если вы находите это несущественным, я надеюсь, что время докажет вашу правоту. Если же вы сочтете это неуместным для такого торжественного события, я с вами не соглашусь.

<...> Вы покидаете это место, выпускники 1989 года. Вы входите в мир, который будет населён гораздо плотнее этой глуши, и где вам будут уделять гораздо меньше внимания, чем вы привыкли за последние четыре года. Вы полностью предоставлены себе. Если говорить о вашей значимости, вы можете быстро оценить её, сопоставив ваши 1100

с 4,9 миллиарда мира. Благоразумие, следовательно, столь же уместно при этом событии, как и фанфары.

Я не желаю вам ничего, кроме счастья. Однако будет масса тёмных и, что ещё хуже, унылых часов, рождённых настолько же внешним миром, насколько и вашими собственными умами. Вы должны будете каким-то образом против этого укрепиться; в чем я и попытался вам помочь здесь моими малыми силами, хотя этого очевидно недостаточно.

Ибо то, что предстоит вам, — замечательное, но утомительное странствие; вы сегодня садитесь, так сказать, на поезд, идущий без расписания. Никто не может сказать, что вас ожидает, менее всего те, кто остаётся позади. Однако, единственное, в чем они могут вас заверить, что это путешествие в один конец. Поэтому попытайтесь извлечь некоторое утешение из мысли, что как бы ни была неприятна та или иная станция, стоянка там не вечна. Поэтому вы никогда не застревайте — даже когда вам кажется, что вы застряли; это место сегодня становится вашим прошлым. Отныне оно будет для вас уменьшаться, ибо этот поезд в постоянном движении. Оно будет для вас уменьшаться, даже когда вам покажется, что вы застряли... Поэтому посмотрите на него в последний раз, пока оно ещё имеет свои нормальные размеры, пока это ещё не фотография. Посмотрите на него со всей нежностью, на которую вы способны, ибо вы смотрите на свое прошлое. Взгляните, так сказать, в лицо лучшему. Ибо я сомневаюсь, что вам когда-либо будет лучше, чем здесь.

(Текст печатается по изданию: Бродский, И. О скорби и разуме / И. Бродский. — СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. — 480 с.)

Контрольные вопросы и задания

1. Какую альтернативу бегству от скуки предлагает И. Бродский, в чем ее смысл?
2. С помощью каких образов И. Бродский раскрывает сущность экзистенциальных проблем, стоящих за скукой?
3. Найдите психологические определения для таких понятий, как «тоска», «томление», «апатия», «безразличие».
4. Каково христианское толкование позиций «уныния» и «смирения»? Есть ли сходство с позицией, предлагаемой И. Бродским?

Библиографический список

1. Бродский, И. О скорби и разуме / И. Бродский. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. — 480 с.
2. Гордин, Я. Перекличка во мраке. Иосиф Бродский и его собеседники / Я. Гордин. — СПб.: Пушкинский фонд, 2000. — 232 с.
3. Лосев, Л. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии / Л. Лосев. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 448 с.
4. Семенов, В. Иосиф Бродский в северной ссылке: поэтика автобиографизма / В. Семенов. — Тарту: Издат-во ТГУ, 2004. — 176 с.

Задания для самопроверки к разделу IV

1. По Л. Шестову страх смерти вызван:
 - инстинктом самосохранения;
 - ужасом перед неизвестным;
 - экзистенциальным осмыслением жизни.

2. Л. Шестов пишет, что чувство страха исчезает там, где:
 - есть бесконечное количество возможностей;
 - бесстрашие;
 - чувство закономерности.

3. В. Несмелов пишет о царстве Божьем, как о:
 - смысле жизни;
 - образе внутри человека;
 - высшей ценности.

4. Согласно мысли В. Несмелова, высшая свобода человека и христианское самоотвержение – понятия тождественные или нет?

5. Какая философская категория связана с осознанием своей незначительности и смирением, согласно И. Бродскому в его эссе «Похвала скуке»?

Краткий словарь терминов

Бытие — категория, фиксирующая основу существования (для мира в целом или для любой разновидности существующего); в структуре философского знания выступает предметом онтологии; в теории познания рассматривается как базисная для любой возможной картины мира и для всех прочих категорий.

Бытие-в-мире — одна из важнейших категорий («экзистенциалов») по отношению к человеку. Бытие-в-мире по отношению к человеку мыслится как первичное отношение к миру не через «познание», но именно как «бытие-в», изначальное нахождение в мире.

Другой — центральная категория современной философии. Актуализация данного понятия связана с такими событиями, как антропологический и лингвистический поворот. Другой — это не Я, тот, кто противостоит мне, находится по ту сторону меня, моих ценностей, моего мировоззрения.

Забота — онтологически-экзистенциальная характеристика человека. Человек порожден заботой и через нее осуществляет свое бытие в окружающем мире и со-бытие с другими.

Заброшенность — в философии М. Хайдеггера означает неизбежное возлагание ответственности за существование на свое собственное бытие-в-мире, т.е. на самого себя, объект страха. У Ж. —П. Сартра заброшенность для-себя-бытия есть "постоянно исчезающее следствие в-себе-бытия, которое настигает для-себя-бытие и посредством которого оно связано с в-себе-бытием, но которое никогда невозможно постигнуть". Г. Марсель для настроения заброшенности нашел формулу: "Мы посажены на судно".

Ничто – категория экзистенциальной философии, понимаемая как отрицание аспекта определённости, сущности есть одновременно и отрицание бытия. Как чистое отрицание «ничто» удерживается только в языке. Все, что существует, имеет определённую, и поэтому «ничто» не существует, его нет, но человек способен отнестись к любой определённости со стороны отрицания и удерживать эту позицию.

Свобода (в экзистенциализме) – свобода сознания, свобода выбора духовно-нравственной позиции индивида. Свобода предстает как тяжелое бремя, которое должен нести человек, поскольку он личность и обречен быть свободным – быть самим собой.

Сущность (греч. *ousia*, лат. *essentia*) – природа вещи, основное качество вещи, без которых она как таковая не существует, не проявляет себя в разных ситуациях, событиях и взаимодействиях с другими вещами. В экзистенциализме сущность (человека) — это общая характеристика рода (людей).

Тоска – согласно Н.Бердяеву, «тоска направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожности, пустоты, тленности этого мира. Тоска обращена к трансцендентному и вместе с тем она означает неслиянность с трансцендентным, бездну между мной и трансцендентным. Но она говорит об одиночестве перед лицом трансцендентного...».

Тревога – в экзистенциалистской философии слово приобрело значение «метафизического беспокойства», которым пропитаны индивидуальные страдания человека. Она дает представление об иррациональности нашего положения и об абсурдности нашей жизни.

Экзистенциал – бытийная черта присутствия, форма духовного познания, наиболее сложная для понятийного выражения. Экзистенциал сложно ощущать даже символически (например; свободу или страх), его можно только пережить.

Экзистенциализм – философское течение второй половины XX в., выдвигающее на передний план абсолютную уникальность человеческого бытия, не допускающую выражения на языке понятий. В целом философия этого направления характеризуется отходом от рационализма и теоретико-познавательных проблем, поворотом к проблеме человека, выраженной в сверхрациональной, религиозной, эзотерической, иррациональной форме. Представителями экзистенциальной философии являются Л. Шестов, Н. Бердяев, В. Несмелов, М. Хайдеггер, К. Ясперс, М. Бубер, Ж. П. Сартр, Г. Марсель, М. Мерло-Понти, А. Камю, С. де Бовуар, Э.Кастелли, Н. Аббаньяно, Э.Пачи; Х. Ортега-и-Гасет; У. Лоури, У. Баррет, Дж. Эди, Э. Мунье, М. Недонсель, Ж. Лакруа, К. Барт, П. Тиллих, Р. Бультман. Своими предшественниками экзистенциалисты считают Б. Паскаля, С. Кьеркегора, М. де Унамуно, Ф. М. Достоевского и Ф. Ницше. На экзистенциализм оказали влияние философия жизни и феноменология Э. Гуссерля.

Экзистенциальный страх – не малодушие, не боязнь, а «метафизический ужас» перед решающим выбором, возникающий, когда человек открывает «бездну бытия» и получает шанс «выйти в бытие» из своей «заброшенности» в отчуждающую и духовно пустую повседневность.

Экзистенциальный страх – ощущение себя в мире и мира в себе. Экзистенциальный страх не есть боязнь чего-то конкретного, это страх через потерю принадлежности к окружающему. Выход человека за пределы неподлинного существования.

Экзистенция (лат. существование) – одно из ключевых понятий экзистенциализма, означающее способ бытия человеческой личности. Экзистенция представляет собой то центральное ядро человеческого «Я», благодаря которому это последнее выступает не просто как нечто всеобщее (общечеловеческое), а именно как конкретная неповторимая личность.